

БИБЛИОТЕКА УЖАСОВ
ВЫПУСК 4

УЖАСЫ МУРБА

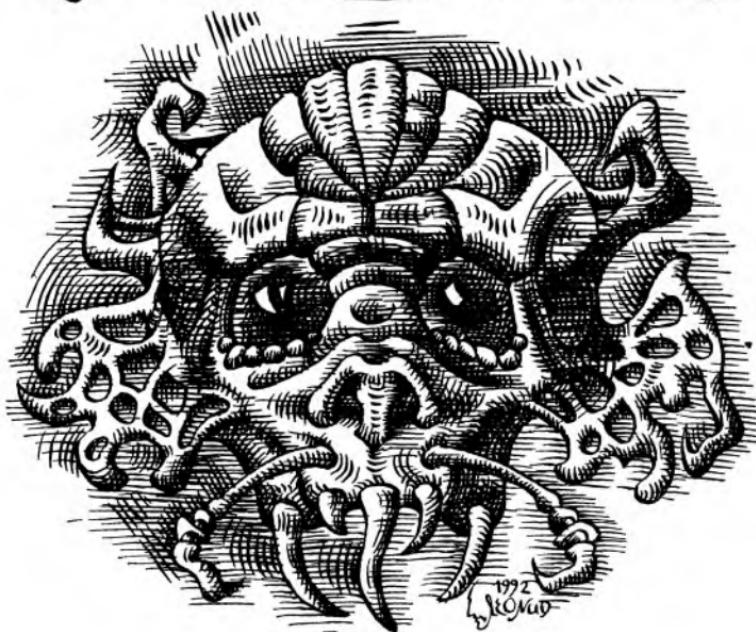
и другие
рассказы

ХЕЙЗЕЛ · ХИЛД,

СИЖАЕС
В
МЕЗЕЕ

I

перва Стивен Джонс пришел в музей Роджерса из праздного любопытства. Кто-то рассказал ему о необычных подземных залах на Саутворк-стрит, за рекой, где можно увидеть восковые изваяния, по своим достоинствам не уступающие коллекции мадам Тюссо.

И вот в один из апрельских дней он отправился туда, по дороге размышляя, насколько скучны будут для него все эти экспонаты. Но, как ни странно, он вовсе не разочаровался. В конце концов, это было ни на что не похоже и даже развлекало. Разумеется, здесь Джонс увидел всех традиционных персонажей — Ландру, доктора Криппена, мадам Димерс, Риццо, леди Джейн Грей, многочисленных изувеченных жертв войн и революций и даже таких монстров, как Гильль де Ре и маркиз де Сад. Но было здесь и кое-что еще, от чего у Джонса перехватило дыхание, и он застыл на месте, как вкопанный, и простоял до тех пор, пока не услышал звонок — сигнал того, что музей закрывается. Следовало признать, что человек, составивший такую коллекцию, не мог быть простым шарлатаном, обирающим честных людей. Во всяком случае, в воображении ему нельзя было отказать, а в некоторых работах он просто с блеском раскрыл свои дьявольски гениальные способности.

Несколько позже Стивен Джонс разузнал кое-что о Джордже Роджерсе, владельце музея. Какое-то время тот работал в музее мадам Тюссо, но потом по неизвестным

причинам был оттуда уволен. О нем говорили много: некоторые открыто сомневались в ясности его рассудка; другие рассказывали удивительные истории о его тайном поклонении идолам и забытым древним богам. И в итоге, после успешного основания собственного музея с такой прекрасной экспозицией, одни слухи полностью исчезли, другие же — а их распространяли в основном коварные завистники — наоборот, стали обрастиать все новыми подробностями. Роджерс действительно увлекался тератологией¹ и мистической иконографией, но был настолько благоразумным, что часть экспозиции отгородил, и вход туда разрешил только совершенолетним. И именно этот зал до глубины души потряс Джонса. В нем располагались фигуры таких жутких чудовищ, которых могла породить лишь безудержная болезненная фантазия. Все они были мастерски вылеплены и раскрашены, как настоящие, реальные существа.

Здесь были известные герои мифов — горгоны, химеры, драконы, циклопы и тому подобные твари. Другие, видимо, тоже упоминались в каких-то старинных легендах о подземных обитателях нашей планеты — черный неуклюжий бог Цатоггуа, Ктулу с толстыми длинными щупальцами, Шогнар Фоун с мерзким хоботком, безымянные герои книг «Эйбон», «Некрономикон» и старинных рукописей фон Юнца... Однако самыми страшными были изображения тех, кого не осмеливался описать ни один автор мира. Это были плоды фантазии самого Роджерса. Некоторых можно было определить, как пародии на различные формы органической жизни, других — как бред больного, навеянный мыслями о внеземных цивилизациях и далеких галактиках. Но даже самые страшные рассказы и рисунки Кларка Эштона Смита могут дать лишь приблизительное представление об этой экспозиции; весь ужас здесь создавался за счет невероятных размеров чудовищ, искусственной работы мастера и прекрасного освещения в нишах.

Стивен Джонс был большим любителем всего оригинального в искусстве и поэтому решил познакомиться с самим Роджерсом. Он отыскал его в тускло освещенной пыльной комнате-мастерской, находившейся позади сводчатого выставочного зала. Эта странная мастерская походила больше на склеп. В кирпичной стене были пробиты узкие горизонтальные окна-щелочки, выходящие на улицу

¹ Тератология — наука, изучающая уродства и пороки развития у растений, животных и человека (прим. перев.).

как раз на уровне булыжной мостовой внутреннего двора. Судя по всему, здесь производилось и изготовление фигур, и их ремонт. Повсюду валялись восковые руки, ноги, головы и туловища, а на полках были аккуратно расположены мохнатые крылья, искусственные клыки и стеклянные глаза, смотрящие в разные стороны. На многочисленных крючках и гвоздях висели всевозможные костюмы для будущих экспонатов, а в одной из ниш грудой были сложены восковые заготовки телесного цвета. На полках рядами стояли банки с краской и кисти. В центре комнаты находилась большая печь, в которой плавили и готовили для лепки воск. Над топкой на двух шарнирах висел огромный железный бак с носиком, позволявшим выливать расплавленный воск простым движением руки.

Однако другие предметы, находившиеся в этом мрачном подземелье, уже не так легко поддавались описанию — это были отдельные части каких-то сомнительных существ, чьи законченные формы, по всей видимости, напоминали призраков, порожденных бредом больного. В другом конце мастерской виднелась тяжелая дощатая дверь, запертая огромных размеров висячим замком. На двери был нарисован очень своеобразный символ. Джонс, которому как-то раз попал в руки экземпляр пресловутой книги «Некрономикон», невольно вздрогнул, увидев этот знак. «Да, — подумал он, — владелец этого заведения, должно быть, действительно обладает исключительно широкими познаниями в самых туманных областях».

Разговор с Роджерсом также не разочаровал его. Хозяин был высоким худым человеком, довольно небрежно одетым, с большими черными глазами, которые возбужденно горели на бледном, заросшем щетиной лице. Вторжение Джонса ничуть не обидело его, напротив, он, казалось, рад был встретить интересного собеседника. Его голос обладал необычайной глубиной, в нем чувствовались какая-то сдерживаемая сила и почти лихорадочная возбужденность. Джонс не удивился, что многие считают его сумасшедшим.

С каждым новым визитом Джонса — а за несколько недель такие визиты стали уже привычными — Роджерс становился все более общительным и откровенным. Хотя и с самого начала в его словах уже можно было уловить отголоски довольно странных взглядов, которые позже проявились в рассказанных им историях. Их экстравагантность, несмотря на несколько подтверждающих фотографий,

была почти что комичной. И вот как-то в июне, в тот вечер, когда Джонс принес с собой бутылку хорошего виски и довольно щедро угостил своего друга, впервые начался по-настоящему сумасшедший разговор. Впрочем, и до этого уже Роджерс рассказывал довольно странные вещи, упоминая о своих таинственных путешествиях в Тибет, Центральную Африку, в Аравийскую пустыню, дельту Амазонки, на Аляску и некоторые малоизвестные острова в южной части Тихого океана. Вдобавок к этому он вполне серьезно утверждал, будто им были прочитаны такие чудовищные и полулегендарные книги, как «Пуахотик» и «Песнопения Дхола», приписываемые перу бесчеловечного злодея Ленга, но по степени безумства ничто из этого не шло ни в какое сравнение с тем, что было рассказано в тот июньский вечер под влиянием алкогольных паров.

Попросту говоря, Роджерс сделал несколько недвусмысленных намеков на то, будто во время его экспедиций ему удалось обнаружить в природе некие существа, которых до него не видел никто, и что он привез с собой осознаваемые доказательства этих открытий. Из его пьяных разглагольствований выходило, что он продвинулся дальше, чем кто бы то ни было, в толковании малоизвестных доисторических книг, которые он досконально изучил, и, следуя их указаниям, предпринял свои путешествия в самые отдаленные уголки планеты, где и скрываются эти таинственные существа, которые выжили и сохранились до наших дней с тех времен, когда людей на Земле еще не существовало. И эти создания в некоторых случаях имеют связь с другими измерениями и параллельными мирами, общение с которыми было обычным делом в те далекие времена.

Джонс был удивлен богатством фантазии Роджерса, породившей подобные представления. Он даже задумался над тем, что явилось причиной таких полетов воображения — была ли это работа среди фигур мадам Тюссо, или же эти склонности следует отнести к врожденным, а выбор рода занятий явился лишь одним из их проявлений? Но так или иначе профессия Роджерса как нельзя лучше соответствовала его взглядам. Теперь становились понятными его мрачные рассуждения насчет кошмарных чудовищ, выставленных в отгороженном занавеской алькове с надписью «Только для взрослых». Не боясь показаться смешным, Роджерс всерьез намекал на то, что не все из этих дьявольских уродцев были искусственными.

Но откровенное недоверие Джонса и его шутки по поводу таких безответственных заявлений разрушили установившуюся было сердечность и радущие в их отношениях. Было ясно, что Роджерс относится к себе очень серьезно: теперь он стал подозрительным и угрюмым и продолжал терпеть Джонса лишь благодаря своему упорному стремлению преодолеть его вежливый самодовольный скептицизм. Он продолжал рассказывать о страшных забытых ритуалах и жертвоприношениях безымянным древним богам, то и дело подводя своего гостя к той или иной зловещей фигуре и отмечая детали, которые не смогло бы воспроизвести даже наивысшее человеческое мастерство. Джонс продолжал свои визиты, влекомый каким-то непонятным очарованием, хотя и знал, что утратил уже былое расположение хозяина музея. Время от времени он пытался ублажить Роджерса притворным согласием с каким-нибудь его сумасшедшим заявлением, но хозяин музея, суровый и непреклонный, редко давал себя обмануть.

Позднее, уже в начале осени, напряжение в их отношениях достигло наивысшей точки. В один из сентябрьских дней Джонс случайно зашел в музей и, бродя по темным коридорам, все ужасы которых были теперь до мелочей знакомы ему, вдруг услышал отчетливый звук, доносившийся со стороны мастерской. Остальные посетители тоже услышали его и невольно вздрогнули, когда гулкое эхо разнеслось под мрачными сводами. Троє служителей обменялись многозначительными взглядами. А один из них — темноволосый, молчаливый, похожий на иностранца парень, работавший ассистентом Роджерса — загадочно улыбнулся, и эта улыбка озадачила даже его коллег, неприятно задев что-то в сознании Джонса. Со стороны мастерской отчетливо прозвучал душераздирающий пронзительный собачий визг, который могло издавать лишь насмерть перепуганное, умирающее в муках животное. Даже в нормальной обстановке было бы невыносимо слышать этот полный страдания звук, а в мрачной атмосфере подземелья он казался вдвойне ужасным. Джонс прекрасно знал, что вход в музей с собаками запрещен.

Он тут же направился к двери, ведущей в мастерскую, но неожиданно навстречу ему двинулся тот самый смуглый ассистент и жестом остановил его, заговорив мягким голосом с чуть заметным иностранным акцентом.

— Мистер Роджерс,— как бы извиняясь, сказал он, не скрывая при этом легкой усмешки,— ненадолго вышел,

строго наказав не пускать никого в мастерскую во время его отсутствия. Что же касается визга, то он, несомненно, доносился откуда-то с улицы. В округе бродит немало бездомных собак, и их драки бывают порой на удивление шумными. Как вам известно, нигде в музее собак нет. Но если вам так необходимо повидаться с мистером Роджерсом, то вы сможете увидеть его незадолго до закрытия.

Сразу же после этого Джонс выбрался из подземелья наружу и самым тщательным образом исследовал окрестные трущобы. Ветхие покосившиеся здания, когда-то бывшие жилыми, а теперь в большинстве своем переоборудованные под магазины и склады, все были очень старыми. Некоторые из них, с островерхими крышами, восходили, казалось, еще к эпохе Тюдоров. Из всех подвалов и подворотен поднимались густые зловонные испарения. Рядом с обветшалым зданием, в подвале которого находился музей, был узкий проход, в который и вошел Джонс, осторожно ступая по вымощенной булыжником мостовой, в надежде попасть на видневшийся из окон мастерской задний двор, чтобы выяснить все же, откуда мог исходить этот жуткий визг. Начинали сгущаться сумерки. Темный двор окружали высокие глухие стены, казавшиеся еще более мрачными, чем осыпающиеся фасады старых, зловещего вида зданий. Джонс не заметил вокруг ни единой собаки, что очень удивило его. Трудно было поверить, чтобы после такой драки не осталось никакого следа.

Несмотря на утверждение ассистента о том, что в музее собак нет, Джонс с тревогой посмотрел на три маленьких окна мастерской — узкие горизонтальные прямоугольники, выходящие во двор почти на уровне тротуара. Грязные пыльные стекла безразлично глядели на мостовую и походили на затуманенные глаза дохлой рыбы. Слева от окон стертые каменные ступени вели к темной двери, запертой на тяжелый засов. Непонятное побуждение заставило Джонса пригнуться к сырой потрескавшейся мостовой и заглянуть внутрь в расчете на то, что плотные зеленые шторы могут кое-где оказаться незадернутыми. Стекла покрывал толстый слой пыли, и когда Джонс протер их носовым платком, то увидел, что никакие шторы не мешают обзору. Правда, в подвале было настолько темно, что поначалу он ничего не смог разглядеть. Однако, медленно переходя от одного окна к другому, вскоре он начал различать призрачные очертания знакомых предметов. Прежде всего стало ясно, что внутри никого нет. Но когда он дошел до последнего окна, ближайшего ко входу, в

дальнем углу комнаты показался слабый отсвет, что повергло Джонса в изумление, ибо никакого света там не должно было быть. Насколько он помнил, все лампы, печи и горелки находились в других местах. Приглядевшись, он заметил, что светящееся пятно имеет форму прямоугольника, и в голове его мелькнула догадка. Именно в этом углу мастерской и располагалась та массивная дощатая дверь с неестественно большим висячим замком. Джонс никогда не видел ее открытой. И как раз на ней был нарисован тот самый таинственный и зловещий знак, который он встретил однажды в древней запрещенной книге о черной магии. Должно быть, теперь дверь была открыта — свет шел именно оттуда. И теперь в нем с новой силой вспыхнуло любопытство — куда ведет эта дверь, что скрывается за ней?

Джонс бесцельно бродил по мрачным пустым переулкам до тех пор, пока стрелки часов не стали приближаться к шести, и тогда он вернулся в музей, чтобы нанести визит Роджерсу. Он и сам не мог понять, зачем ему так понадобилась эта встреча именно сейчас. Возможно, в его подсознании возникли какие-то смутные подозрения, вызванные тем жутким собачьим визгом или, может быть, светом, шедшим из загадочной двери, всегда закрытой на тяжелый висячий замок. Когда он снова появился в музее, служители уже уходили, и Джонсу показалось, что Орабона — смуглый ассистент-иностраниец — посмотрел на него с каким-то странным любопытством. Джонсу не понравился этот взгляд, хотя он уже много раз видел, что ассистент точно так же смотрит и на самого Роджерса.

Что-то неприятное таилось в этом безлюдном, покинутом всеми сводчатом зале. Джонс быстрым шагом миновал его и постучался в дверь мастерской. Ответа он дождался не сразу, хотя изнутри слышался отчетливый звук шагов. Наконец, после вторичного стука, замок щелкнул, тяжелая дверь неохотно, со скрипом раскрылась, и перед Джонсом предстала сутулая фигура Джорджа Роджерса.

Глаза его горели. С первого же взгляда было ясно, что хозяин музея находится в состоянии необычайного возбуждения. В его приветствии чувствовалось раздражение, вызванное нежданным визитом, но оно явно боролось в его душе с каким-то злорадным торжеством. Роджерс сразу же завел разговор о вещах страшных и невероятных.

Живущие поныне безымянные древние божества, кровавые жертвоприношения, естественное происхождение некоторых музейных чудовищ — все его обычные заявле-

ния на этот раз были произнесены тоном куда более уверенным, чем прежде. Очевидно, подумал Джонс, безумие бедняги прогрессирует. Время от времени Роджерс бросал многозначительные взгляды то на тяжелую запертую дверь, то на лежавший на полу возле нее кусок грубой материи, под которым скрывался какой-то небольшой предмет. Джонс чувствовал нарастающую тревогу, и чем дальше, тем сильнее сомневался, что ему стоит упоминать сейчас о тех странностях, которые он заметил днем, и из-за которых, собственно, и пришел сейчас сюда.

Хриплый замогильный бас Роджерса эхом разносился под высокими каменными сводами.

«Помните ли вы, — кричал он, — что я говорил вам о том разрушенном городе в Индокитае, где жил Тхо-Тхос? Вам пришлось все-таки согласиться с тем, что я действительно был там, когда вы увидели фотографии, даже если вы и продолжаете считать, что я сделал то продолговатое плывущее существо из воска. Эх, если бы вы только видели, как оно извивалось в том подземном озере, как это видел я!..

Однако теперь у меня есть нечто более существенное. Я никогда не рассказывал вам об этом, поскольку хотел кое-что доработать, прежде чем делать какие-то заявления. Когда вы увидите фотографии, вы поймете, что изображения местности не могут быть подделкой, и, кроме того, мне кажется, у меня есть еще один способ доказать, что Оно не является очередной моей выдумкой, воплощенной в воске. Вы не могли видеть Его, поскольку эксперименты не позволяли мне выставить Это для обозрения».

Тут Роджерс как-то странно посмотрел на запертую дверь.

«Все началось с того, что я прочитал восьмую главу книги «Пуахотик», описывающую некоторые древние ритуалы, — продолжал он. — Подробно изучив их, я понял, что они могли иметь только одно назначение. В давние времена, еще до появления первых людей, на крайнем севере существовали подобные твари, и это была одна из них. Нам пришлось проделать долгий путь сперва до Аляски, а затем из Форт-Мортон в Ноатак. И тварь оказалась именно там, где мы и предполагали. Мы увидели гигантские руины, занимающие огромную площадь. Многое было уже полностью разрушено временем, ведь прошло больше трех миллионов лет. Да и легенды эскимосов за долгие годы обросли многочисленными новыми подробностями и небылицами. Мы не смогли нанять проводников из

местных жителей, и нам пришлось возвращаться на санях в Ном, чтобы найти помощников там. Северный климат плохо действовал и на Орабону — он стал замкнутым и раздражительным.

Позже я расскажу вам, как мы нашли Его. Когда мы взорвали ледяные глыбы в самом центре развалин, то прямо в том месте, где мы и ожидали, оказалась лестница. Никто из нашей экспедиции не отважился спуститься вниз, и это было только на руку нам с Орабоной. Он, правда, и сам трясясь, как осиновый лист — вы бы никогда этого не подумали, судя по тому надменному виду, с каким он расхаживает тут по музею. Но дело в том, что он достаточно хорошо знает древние рукописи, чтобы страх его не был беспочвенным. Солнечные лучи не проникали внутрь подземелья, но мы хорошо видели все в свете факелов. Повсюду валялись кости тех несчастных, кто пытался попасть сюда задолго до нас — многие тысячелетия назад, когда климат здесь был еще теплым. Некоторые из этих костей принадлежали существам, которых трудно даже вообразить. Пройдя три лестничных марша, мы обнаружили трон из слоновой кости, о котором столько говорилось в рукописи. И я скажу вам больше — трон не был пустым, как вы, должно быть, подумали.

Существо, восседавшее на нем, не шевелилось. Мы знали, что для восстановления сил ему нужна жертва. Но в тот момент решили не будить Его, пока не доставим в Лондон. Орабона и я отправились наверх и притащили оттуда огромный ящик. Когда мы упаковали Его, оказалось, что нам не под силу с таким грузом преодолеть три пролета лестницы. Ступени были слишком большими для человека, и, кроме того, ящик оказался чертовски тяжелым. Нам пришлось звать остальных. Они спускались вниз с неохотой, но, к счастью, самое страшное уже находилось под замком в деревянной коробке. Мы сказали им, что там партия образцов украшений из слоновой кости — обычные археологические находки. Увидев резной трон, они, возможно, поверили нам. Странно, что никто из них не подумал, будто мы нашли спрятанное сокровище, и не потребовал своей доли. Наверное позже, в городе, они рассказывали о наших похождениях довольно необычные вещи. Однако я сомневаюсь, чтобы кто-то из них когда-либо осмелился вернуться в эти развалины, даже за бесценным огромным троном».

Тут Роджерс замолчал, порылся в ящике стола и вынул оттуда большой конверт с фотографиями. Отложив один из

снимков в сторону изображением вниз, он передал пачку Джонсу. Набор фотографий был действительно очень странным. Джонс увидел покрытые льдом горы, собачьи упряжки, каких-то людей в меховых шубах и древние развалины на фоне бесконечных снегов. Причудливые очертания этих руин не поддавались никакому сравнению. На одном из снимков был изображен подземный зал со множеством резных украшений на стенах. В центре зала возвышался трон, размеры которого заставляли усомниться в том, что он предназначен для человека. Рисунки, украшавшие высокие стены и сводчатый потолок, были в основном магическими символами, некоторые из них оказались совершенно неизвестными, другие же изредка упоминались в легендах. А над троном красовался тот самый зловещий знак, который Джонс много раз видел на запертой двери в мастерской. Бессспорно, Роджерс побывал во многих необычных местах и видел немало странного. Кроме того, этот сумасшедший пейзаж мог быть и просто очень умелой подделкой. Не стоит слишком доверять ему. Однако Роджерс продолжал:

— Итак, мы отправили ящик из Нома и добрались до Лондона без особых приключений. Впервые за все время нам удалось привезти с собой нечто такое, что способно было вернуться к жизни. Я не стал выставлять Его среди экспонатов. Предстояло сделать кое-что более важное. Оно было божеством, и поэтому нуждалось в жертвоприношении. Конечно, я не мог предоставить Ему таких жертв, к которым Оно привыкло в те давние времена, ибо их больше попросту не существует. Но я мог сделать кое-что другое. Кровь является основой жизни. Соблюдая обряд жертвоприношения, при помощи крови людей или животных можно вызвать души умерших и даже духов стихий, которые намного старше, чем сама Земля.

При этих словах выражение лица рассказчика стало настолько пугающим и отталкивающим, что Джонс невольно поерзal на стуле. Очевидно, Роджерс заметил тревогу своего гостя, и со злорадной усмешкой продолжил рассказ:

— Вот уже без малого год, как это существо находится у меня, и за это время я испробовал самые разные ритуалы, принося Ему всевозможные жертвы. Орабона мало помог мне в этом — он всегда был против того, чтобы будить Его. Наверное, он просто ненавидит Его или боится последствий. Бедняга постоянно носит с собой пистолет. Глупец! Он считает, что с помощью этой игрушки можно будет в

случае спасти свою шкуру. Видимо, даже он не до конца еще осознал, с чем имеет дело... Но если этот идиот когда-нибудь вытащит свой пистолет, я просто задушу его! Он посоветовал мне убить эту тварь и сделать чучело. Но у меня есть на этот счет свои планы, и я им не изменю. И в конце концов одержу верх над такими ничтожными трусами, как Орабона, и над такими проклятыми насмехающимися скептиками, как вы, Джонс. Я долго произносил заклинания и приносил жертвы, и вот на прошлой неделе произошло чудо. Оно... Оно приняло мою жертву!

Сказав это, Роджерс хищно облизал губы, а Джонс замер от ужаса и не мог даже пошевелиться. Владелец музея опять замолчал, поднялся со своего места и пошел в угол комнаты, где на полу лежал прикрывающий что-то кусок мешковины, на который он часто поглядывал во время своего рассказа. Роджерс нагнулся, приподнял угол ткани и произнес:

— Вы достаточно уже посмеялись над моими словами. Теперь пришло время представить вам кое-какие факты. Орабона говорил, что вы слышали сегодня в музее собачий визг. А знаете ли вы, что это означает?

Джонс вздрогнул. Несмотря на все свое любопытство, он был бы рад убраться отсюда, не дождаясь никаких объяснений, проливающих свет на те обстоятельства, которые так озадачили его еще несколько часов назад. Но Роджерс был неумолим. Он начал медленно поднимать край мешковины, под которой лежала раздавленная, бесформенная масса, и Джонс даже не сразу сообразил, что это такое. Когда-то, судя по всему, это было живым существом, которое какая-то невероятная сила сплющила, высосала из него всю кровь, пронзила тысячью острых жал и, переломав все кости, превратила в нелепую исковерканную груду. Внезапно Джонс понял, что это такое. Перед ним были останки собаки — по-видимому, достаточно крупной особи светлой масти. Породу ее определить было невозможно, поскольку собаку изуродовали самым ужасным образом. Почти вся шерсть животного была будто бы выжжена кислотой, и обнаженная бескровная кожа изобиловала бесчисленными круглыми отверстиями от проколов. Какие пытки могли принести подобные результаты, трудно было вообразить.

Отвращение, переполнявшее Джонса, вырвалось наружу, и он вскочил с места с яростным криком:

— Вы, проклятый сумасшедший садист, делаете подоб-

ные вещи и еще осмеливаетесь разговаривать с порядочными людьми??!

Роджерс отпустил мешковину и, злобно ухмыляясь, посмотрел в лицо приближавшемуся Джонсу. Затем заговорил неожиданно спокойным тоном:

— Неужели вы, глупец, думаете, будто это сделал я? Я могу согласиться, что результат выглядит малопривлекательно с нашей, человеческой точки зрения. Ну и что из этого? Оно — не человек, и не претендует на то, чтобы им быть. А это лишь самое обычное жертвоприношение. Да, я отдал собаку Ему. Но все остальное сделало Оно, а не я. Ему нужна была живительная сила жертвы, и Оно получило ее. А теперь я хочу показать вам, как Оно выглядит.

Пока Джонс стоял в нерешительности, Роджерс вернулся к своему столу и взял в руки фотографию, которую он прежде отложил в сторону изображением вниз. Теперь он протянул ее Джонсу. Тот взял снимок и машинально взглянул на него. Спустя несколько мгновений он уже не мог оторвать от фотографии взгляда, поскольку то, что было на ней изображено, просто завораживало своей отвратительностью. Без всякого сомнения, Роджерс преувеличил самого себя, создав то сверхъестественное чудовище, что запечатлела камера на этом снимке. Это было творение поистине дьявольского гения, и Джонс содрогнулся при мысли о том, как оно будет воспринято публикой. Столь омерзительное зрелище просто не имело права существовать! Возможно, один лишь вид этой твари после того, как работа над ней была завершена, окончательно повредил рассудок ее создателя и заставил его поклоняться своему детищу, как некоему божеству, и совершать жестокие жертвоприношения. Только человек с очень крепкими нервами мог устоять перед коварными намеками на то, будто это чудовище было действительно существовавшей когда-то экзотической и уродливой формой жизни. По крайней мере на фотографии оно создавало эффект неповторимого правдоподобия.

Изображенная на снимке тварь, присев на своих задних конечностях, балансировала на огромном резном троне, являвшемся точной копией того, который Джонс видел на одной из предыдущих карточек. Описать ее обычными словами было нелегко, ибо ничто похожее никогда еще не приходило в голову ни одному нормальному человеку. Возможно, в ней было что-то, напоминающее высших позвоночных Земли, хотя этого и нельзя было сказать с полной уверенностью. Размеры чудовища были огромными,

поскольку, даже пригнувшись, монстр был почти вдвое выше Орабоны, который на снимке стоял рядом с ним. Приглядевшись внимательнее, все же можно было различить в очертаниях существа сходство со строением тела позвоночных животных.

Чудовище имело почти шарообразное туловище и шесть длинных извилистых конечностей, заканчивавшихся клешнями наподобие крабьих. На верхнем конце туловища находился еще один шар, размером поменьше, который выдавался слегка вперед. Расположенные на нем в виде треугольника три немигающих рыбых глаза, гибкий, длиной около фута, хобот и что-то, похожее на жабры, по бокам, позволяло предположить, что этот шар является головой твари. Большая часть ее тела была покрыта чем-то, что Джонс поначалу принял за шерсть, однако при ближайшем рассмотрении это оказалось густой порослью тонких гибких щупалец, каждое из которых оканчивалось маленькой пастью, из которой торчало жало.

На голове и чуть ниже хобота щупальца были более толстыми и извивались наподобие змеевидных локонов легендарной медузы Горгоны. Утверждение, будто морда подобной твари может иметь какое-то выражение, звучит парадоксально; однако Джонс почти кожей чувствовал, что расположенные треугольником выпущенные глаза и хищно поднятый хобот буквально излучают зловещую смесь алчности, ярости и абсолютной жестокости, а также каких-то других эмоций, непостижимых для человеческого разума. «В этом средоточии уродства и гротеска,— размышлял Джонс,— нашло свое воплощение все безумие, весь опасный и бесчеловечный скульптурный гений Роджерса». Тварь казалась невероятной, но в то же время фотография подтверждала ее существование.

Роджерс прервал его размышления.

— Ну и что вы о Нем думаете? Вам все еще непонятно, что могло раздавить ту собаку и высосать из нее кровь миллионом своих маленьких пастей? Ему нужна была кровь, и будет нужна еще. Оно является божеством, а я — Его верховный жрец. Йа! Шуб-Ниггурат!..

Джонс с отвращением и сочувствием отложил фотографию.

— Послушайте, Роджерс, так не годится. Есть же какой-то предел. Это, конечно, великое произведение и все такое, но оно очень плохо на вас действует. Вам лучше не видеть его. Пусть Орабона разрушит этот «шедевр», и

попытайтесь больше о нем не думать. И позвольте мне разорвать эту отвратительную фотографию.

Огрызнувшись, Роджерс схватил снимок и убрал его в ящик стола.

— Неужели вы, идиот, все еще думаете, что Оно — подделка?! Вы до сих пор считаете, что я сделал Его сам, и что все мои фигуры — это лишь мертвый воск? Черт вас возьми! Да вы, оказывается, глупее, чем была бы ваша восковая копия! Но теперь у меня есть неоспоримое доказательство, и оно вам скоро будет представлено! Не сейчас, а немного позже, поскольку Оно еще не готово к очередной жертве. Но тогда... вам не придется сомневаться в Его монстрической силе!

Когда Роджерс вновь взглянул на загадочную дверь с тяжелым висячим замком, Джонс взял свою шляпу и поднялся со скамьи.

— Хорошо, Роджерс, пусть позже. А сейчас я должен идти. Я еще зайду завтра. Подумайте над моим советом. Может быть, он покажется вам разумным. Спросите Орабону, что он думает по этому поводу.

Роджерс оскалил зубы в злорадной усмешке.

— Нужно идти, да? Что, испугались наконец? Испугались после всех ваших бравых разговоров? Вы же сами только что говорили, будто все эти фигуры — один лишь воск, а когда я решил доказать вам, что это не так, бросились наутек! Вы вроде тех смельчаков, которые бились со мной об заклад, что смогут провести в музее ночь — они приходили сюда очень бодро, но уже через час начинали орать и колотить в дверь! Хотите, чтобы я спросил Орабону, да? Вечно вы оба против меня! Вы хотите разрушить Его грядущее земное царство?

Джонс оставался невозмутимым.

— Нет, Роджерс, никто ничего против вас не имеет. Я вовсе не боюсь этих изваяний и совершенно искренне восхищаюсь вашим искусством. Просто сегодня мы немного перенервничали, и мне кажется, что небольшой отдых пойдет нам обоим на пользу.

Но Роджерс снова преградил своему гостю путь.

— Значит, не боитесь, да? А почему же вам так не терпится уйти отсюда? Послушайте, а может быть, вы согласитесь остаться здесь на ночь — один в полной темноте? К чему вам спешить, если вы не верите в Его существование?

Видимо, Роджерсу пришла в голову какая-то новая идея.

— Да я, в общем, никуда и не тороплюсь,— безразлично ответил Джонс, вопросительно посмотрев на него.— Но чего мы добьемся, если я останусь и проведу здесь ночь? Что это докажет? Да и к тому же, здесь очень неудобно спать. Вся эта затея не принесет нам никакой пользы.

Но тут Джонса осенило, и уже примирительным тоном он продолжил:

— Видите ли, Роджерс, я только что сказал, что оставаться здесь совершенно бессмысленно. Однако это не совсем так. Это доказало бы, что все ваши чудовища — просто куклы, и не следует давать так много воли своему воображению, как это делаете вы. Предположим, я останусь. Но если я пробуду здесь до утра, и при этом со мной ничего не случится, то согласитесь ли вы хоть немного пересмотреть свои взгляды? Например, поедете куданибудь отдохнуть месяца на три и прикажете Орабоне уничтожить этот ваш новый экспонат... Решайтесь! Помоему, это честная игра.

По выражению лица Роджерса трудно было определить, что он испытывал в этот момент. Очевидно, он взвешивал все за и против, и наконец желание восторжествовать над своим недоверчивым гостем взяло верх.

— Хорошо! Я воспользуюсь вашим советом, но только при условии, что вы выдержите все испытание до конца. Сейчас мы победаем в каком-нибудь ресторане и вернемся сюда. Я запру вас в выставочном зале и уйду домой, а утром вернусь, даже раньше Орабоны,— а он приходит сюда за полчаса до открытия — и проверю, как у вас дела. Но если вы не слишком уверены в себе, не надо искушать судьбу. Все ваши предшественники не выдерживали и отступали. Я и вам даю такую же возможность. Если вы будете громко стучать во входную дверь, то непременно привлечете внимание констебля. Я думаю, что очень скоро вам станет не по себе — ведь вы будете находиться в одном здании с Ним, хотя и в другой комнате.

Роджерс поднял с пола мешковину, завернул в нее останки собаки и, подхватив свою отвратительную ношу, направился к двери, ведущей на пропыленный задний двор. В центре двора имелся канализационный люк, и Роджерс поднял его крышку столь привычным движением, что это заставило Джонса содрогнуться. Мешок и останки животного исчезли в темноте подземных лабиринтов. Джонс передернул плечами и брезгливо отшатнулся от долговязой сутулой фигуры своего визави.

По взаимному соглашению, они решили не обедать вместе, а договорились встретиться в одиннадцать у двенадцати музея.

Джонс поймал такси и вздохнул немного свободнее, когда машина пересекла мост Ватерлоо и впереди показался ярко освещенный Стрэнд. Он пообедал в тихом уютном пабе, а затем отправился к себе на Портленд-Плейс, чтобы принять ванну и захватить кое-какие вещи. Опустившись в теплую прозрачную воду, он лениво подумал о том, что в этот момент делает Роджерс. Джонс знал, что тот живет на Уолворт-роуд в огромном мрачном доме, заполненном малоизвестными и запрещенными древними книгами, разными оккультными принадлежностями и восковыми изваяниями, которым не нашлось места в музее. Орабона, насколько было известно Джонсу, тоже жил в этом доме в своих отдельных апартаментах.

Ровно в одиннадцать Джонс подошел к дверям музея на Саутворк-стрит и увидел ожидавшего его Роджерса. Оба были немногословны, но каждый ощущал какое-то напряжение, словно предчувствуя опасность. Они пришли к соглашению, что местом предстоящего ночного бдения будет сводчатый выставочный зал. Роджерс решил не настаивать, чтобы Джонс расположился в отгороженном алькове ужасов. После этого хозяин музея погасил весь свет с помощью выключателей, расположенных в мастерской, и запер дверь этого склепа на ключ. Даже не пожав своему гостю руки, он вышел во двор через дверь мастерской, запер ее за собой и поднялся по стертым ступенькам на тротуар. Когда звук его шагов стих, Джонс понял, что долгая и скучная ночь началась.

II

Позже, в кромешной темноте сводчатого зала, Джон проклял ту детскую наивность, что привела его сюда. Первые полчаса, сидя на скамейке для посетителей, он время от времени зажигал свой карманный фонарь, однако постепенно понял, что это действует на нервы еще сильнее, чем просто сидение в темноте. Каждый раз луч фонаря выхватывал из мрака новый зловещий объект — гильотину, какого-нибудь безымянного монстра, чье-то бледное, злое и коварное лицо с густой бородой или залитый кровью труп с перерезанным горлом. Джонс сознавал, что

все эти предметы никак не связаны с реальностью, однако уже спустя полчаса он предпочел бы никогда больше не видеть их.

И что его дернуло смеяться над этим сумасшедшим? Гораздо проще было оставить его в покое или же вызвать психиатра. Возможно, размышлял Джонс, все дело тут в чувстве солидарности одного художника с другим. Всегда Роджерс был чрезвычайно талантлив и вполне заслуживал помощи в борьбе со своей развивающейся манией. Любой человек, который смог бы вообразить и создать столь изощренные и невероятно реалистичные произведения, определенно близок к подлинной гениальности. Он обладал поистине феноменальным воображением, которое соединялось в его работах с поразительно отточенным мастерством.

Следовало справедливо признать, что Роджерс сделал для мира ужасов столько, сколько не удалось сделать всем его предшественникам, вместе взятым.

Внезапно из темноты донеслись отдаленные удары часов, бьющих полночь, и Джонс немного приободрился, услышав этот сигнал из реального внешнего мира, который, оказывается, продолжал спокойно существовать за стенами этого кошмарного зала. Сводчатое помещение своим полнейшим одиночеством напоминало могилу. Даже мышь была бы в этой обстановке подходящей компанией. Однако Роджерс как-то похвастался, что «в силу определенных причин» ни одна мышь или даже насекомое никогда не приближается к этому месту. Как ни странно, но это, по-видимому, действительно было так. Лишенная признаков жизни тишина была практически абсолютной. Хоть бы что-нибудь произвело здесь какие-то звуки!.. Джонс шаркнул ногой, и ему ответило зловещее эхо. Он кашлянул, и отраженные каменными сводами звуки прозвучали в кромешной тьме, как издевательская насмешка. Джонс поклялся ни при каких обстоятельствах не разговаривать с самим собой. С его точки зрения, это было бы проявлением непростительной слабости и признаком полного морального разложения. Время текло невыносимо медленно. Джонс мог поклясться, что с тех пор, как он последний раз зажигал свой фонарь, прошло уже несколько часов, однако была еще всего лишь полночь.

Он очень хотел бы, чтобы его чувства хоть ненадолго притупились. Но окружающий мрак и безмолвие настолько обострили восприятие, что теперь его мозг откликался

даже на самые слабые раздражители. Временами слух Джонса улавливал какой-то неясный шелест, доносившийся, по-видимому, с ночных улиц, и тогда он начинал думать о таких неуместных вещах, как музыка невидимых сфер и непостижимая, таинственная жизнь в других измерениях, воздействующих на наш мир. Роджерс тоже частенько разглагольствовал о подобных вещах.

Цветные пятна, проплывающие в темноте перед напряженными глазами Джонса, постепенно стали упорядоченно выстраиваться, образуя довольно любопытные фигуры. Джонс всегда удивлялся этому непонятному свечению, которое, приходя из каких-то неведомых глубин, всегда возникает перед нашими глазами в полной темноте, но он никогда не думал, что оно может вести себя подобным образом. Пятна утратили свою обычную беспорядочность и теперь кружились как бы с определенной целью, недоступной, однако, нашему пониманию.

Затем у него возникло странное ощущение какого-то близкого движения. Все двери и окна были закрыты, но в то же время Джонс чувствовал, что воздух в помещении не совсем неподвижен. И кроме того, было неестественно холодно. Все это очень не нравилось Джонсу. Воздух имел слегка солоноватый привкус, будто бы в нем растворились миллионы мельчайших морских брызг, и вдобавок ко всему вполне явственно ощущался слабый запах гнили и плесени. Днем он никогда не замечал, чтобы восковые фигуры как-нибудь пахли. Но даже сейчас ему не верилось, что они могут иметь именно такой запах. Это напоминало скорее «аромат» образцов из зоологического музея. Все это было очень любопытно, если принять во внимание неоднократные заявления Роджерса о естественном происхождении некоторых экспонатов. Хотя возможно, что именно эти заявления и заставили разум Джонса породить такие обонятельные образы. Нужно остерегаться чрезмерной игры воображения — разве не она свела с ума беднягу Роджерса?

Однако полное одиночество постепенно становилось пугающим. Даже отдаленный бой часов казался теперь идущим из каких-то недосягаемых космических глубин. Все это заставляло Джонса вспоминать о той жуткой фотографии, которую вечером показал ему Роджерс — покрытые резными украшениями стены огромного зала, загадочный трон, являющийся, по словам Роджерса, частью руин, затерянных в опасных и недоступных глубинах Арктики.

Возможно, Роджерс и действительно бывал на Аляске, однако эта фотография не могла быть ничем иным, кроме как мастерской инсценировкой. Иначе быть просто не могло, ведь все эти резные украшения из слоновой кости и зловещие символы не укладывались ни в какие мыслимые рамки. А эта чудовищная тварь, якобы найденная на троне — какой безудержный полет болезненной фантазии! Джонс задумался о том, насколько далеко он сейчас находится от этого сумасшедшего воскового шедевра. Вероятно, он хранится за той тяжелой дверью с висячим замком в мастерской. Впрочем, незачем размышлять о каком-то восковом изваянии. Разве в этой комнате не полно таких фигур, которые не менее страшны, чем пресловутое «Оно»? А за тонкой перегородкой слева находится отделение «Только для взрослых» с еще более отвратительными монстрами...

Близость бесчисленных восковых фигур все больше и больше действовала Джонсу на нервы, по мере того как часы вдалеке отбивали каждые пятнадцать минут. Он настолько хорошо знал музей, что не мог отделаться от их зрительных образов даже в полной темноте. Более того, темнота давала безграничный простор воображению, которое стремилось добавить к знакомым картинам несуществующие детали. Казалось, что гильотина поскрипывает, а бородатое лицо Ландру — убийцы пятидесяти своих жен — искривляется в садистской гримасе. Из перерезанной глотки мадам Димерс доносятся жуткие булькающие звуки, а безголовая и безногая жертва четвертования пытается приблизиться к Джонсу на своих окровавленных обрубках конечностей. Джонс начал часто моргать, пытаясь отогнать от себя эти образы, но это не принесло успеха. И кроме того, когда он закрывал глаза, странные упорядоченные световые пятна становились более отчетливыми.

Затем он вдруг начал пытаться удержать в своем воображении те картины, которые прежде пытался от себя отогнать, поскольку они, исчезая, уступали место еще более ужасным видениям. Но вопреки воле Джонса, в его памяти начали воскресать совершенно немыслимые уроды, изображения которых скрывались в самых темных уголках музея, и эти неуклюжие монстры, извиваясь и сочась слизью, приближались к нему, окружая плотным кольцом. Огромный черный бог Цатоггуга из Гипербореи, шевеля сотнями ледяныхrudиментарных конечностей, распростер свои крылья, приготовившись броситься и задушить ночь-

ногого наблюдателя. Джонс едва удержался от того, чтобы вскрикнуть. Он понимал, что к нему возвращаются обыкновенные детские страхи, и поэтому твердо решил использовать все свое взрослое благоразумие, чтобы отогнать от себя этих призраков. После минутного раздумья Джонс зажег фонарь, и это слегка помогло. Какими бы пугающими ни были сцены, возникавшие в луче фонаря, они все же не шли ни в какое сравнение с тем, что рисовало в полной темноте его разыгравшееся воображение.

Однако облегчение было недолгим. Даже при свете фонаря Джонс не мог избавиться от ощущения, что полотняная занавеска, отделяющая альков «Только для взрослых», слегка подрагивает. Он вспомнил, что находится позади нее, и невольно содрогнулся. В памяти всплыли ужасающие очертания легендарного Йог-Сотота. Это было всего лишь скопление переливающихся всеми цветами радуги шаров, но тем не менее от взгляда на него у любого человека даже днем по спине пробегали мурашки. Что, если вся эта дьявольская масса сейчас медленно приближается к нему, уже упираясь в занавеску, висящую на пути? Небольшая выпуклость ткани возле ее правого края напоминала острый рог Ноф-ке — покрытой шерстью мифической твари, жившей, по преданиям, во льдах Гренландии и передвигавшейся иногда на двух ногах, иногда на четырех, а иногда и на всех шести. Чтобы раз и навсегда выбросить все это из головы, Джонс поднялся и уверенным шагом направился к проклятому алькову, держа в руке зажженный фонарь. И конечно же, все его страхи оказались пустыми фантазиями. Но все-таки, разве не шевелятся щупальца на голове Ктулу — медленно и едва заметно? Джонс знал, что они гибкие, но не был уверен, что легкое дуновение, вызванное его приближением, может заставить их шевелиться.

Он вернулся на свое место, закрыл глаза и решил, что лучше уж разглядывать симметричные цветные пятна. Вдалеке часы пробили один раз. Неужели только час? Джонс зажег фонарь и взглянул на свои наручные часы. Да, действительно. Видимо, дождаться утра будет и в самом деле непросто. Роджерс появится около восьми, еще до прихода Орабоны. А задолго до этого уже рассветет, но сюда не проникнет ни один луч света. Все окна в этом подвале заложены кирпичом, кроме трех маленьких щелочек в мастерской, которые выходят во двор. Ожидание не из приятных, что и говорить...

Теперь Джонса преследовали уже и слуховые галлюцинации — он мог поклясться, что из-за закрытой и запертой двери мастерской отчетливо слышатся тяжелые крадущиеся шаги. Нет, ему ни в коем случае не следует сейчас думать о той скрытой от посетителей твари, которую Роджерс называет «Оно». Эта фигура просто опасна для здоровья — она уже свела с ума Роджерса, и даже созерцание ее фотографии вызывает в воображении жуткие кошмары. Однако, что бы там ни было, эта тварь никак не могла находиться в мастерской; наверняка она спрятана за той дверью с висячим замком. А значит, эти шаги — просто игра обманутого слуха.

Затем ему показалось, будто в двери мастерской начал медленно поворачиваться ключ. Джонс зажег фонарь и с облегчением отметил, что тяжелая дощатая дверь находится в прежнем положении. Он снова погасил свет и закрыл глаза, однако теперь ему послышался слабый скрип. Но на этот раз не гильотины, а осторожно открываемой двери мастерской. Только бы не закричать! Если он закричит — он пропал. Теперь были слышны уже мягкие шаги и осторожное пошаркивание, и эти шаги приближались к Джонсу. Он должен сохранять самообладание. Ведь удалось же ему справиться с собой, когда его окружили все самые отвратительные порождения человеческой фантазии. Шаги приближались, и Джонс не выдержал. Он не закричал, но, задыхаясь, хрипло проговорил:

— Кто здесь? Кто вы такой? Что вам нужно?

Ответа не последовало, шарканье продолжалось. Джонс не знал, что страшнее — зажечь фонарь или оставаться в темноте, пока неизвестная тварь будет беспрепятственно приближаться к нему. Ситуация явно отличалась от всех других ужасов сегодняшнего вечера. Джонс судорожно сглотнул, руки его дрожали. Молчание и абсолютная темнота становились просто невыносимыми, и тогда Джонс истерически выкрикнул: «Стой! Кто здесь?» — и направил перед собой луч фонаря. А затем, оцепенев от ужаса, беспомощно выронил фонарь и пронзительно закричал. И не один, а несколько раз подряд.

В темноте к нему подкрадывалась гигантская уродливая тварь, похожая то ли на обезьяну, то ли на огромное насекомое. Ее шкура свисала жирными складками, а на месте головы из стороны в сторону раскачивался какой-то морщинистый обрубок с мертвенным взглядом абсолютно пустых, остекленевших в безумии глаз. Передние лапы

чудовища с огромными острыми когтями были широко разстопырены, а все его тело сковывало тупое агрессивное напряжение. В то же время на морде твари полностью отсутствовало всякое выражение. После того как крики прекратились и фонарь погас, тварь прыгнула и во мгновение ока придавила Джонса к полу. Борьбы не было, так как Джонс сразу же потерял сознание.

Но, по всей вероятности, обморок продолжался недолго, поскольку, когда Джонс очнулся, тварь все еще неуклюже тащила его по полу. А звуки, которые она издавала при этом — или, вернее, ее голос — заставили его окончательно прийти в себя. Голос был человеческий и, более того, чрезвычайно знакомый. За этими хриплыми лихорадочными завываниями, воспевающими неизвестное божество, мог скрываться только один человек.

— Йа! Йа! — ревела тварь.— Я иду, о Ран-Тегот, и несу тебе пищу. Ты ждал очень долго, но теперь я дам тебе все, что обещал. И даже больше, ибо кроме Орабоны нашелся еще один идиот, который сомневался в тебе. Ты раздавиши его и выпьешь кровь вместе со всеми его сомнениями, и эта кровь умножит твою силу. А затем он будет показан людям, как монумент твоей вечной славы. О Ран-Тегот, вечный и непобедимый, я твой раб и твой верховный жрец. Ты голоден, и я накормлю тебя. Я дам тебе кровь, а ты дашь мне власть. Йа! Шуб-Ниггурат!

В ту же секунду все ночные страхи оставили Джонса. Он снова взял себя в руки, поскольку теперь увидел перед собой вполне реальную опасность, с которой ему предстояло справиться. Перед ним оказался вовсе не сказочный монстр, а просто опасный маньяк. Это был Роджерс, облеченный в какое-то кошмарное одеяние своей собственной конструкции, который собирался совершить чудовищное жертвоприношение очередному дьявольскому божеству, вылепленному им же самим из воска. Очевидно, он вошел в мастерскую с заднего двора, надел свой костюм и затем проник в выставочный зал, чтобы схватить свою загнанную в ловушку и парализованную страхом жертву. Но его сила была сейчас достойна величайшего удивления, и, чтобы остановить его, нужно было действовать очень четко и быстро. Рассчитывая на уверенность Роджерса в бессознательном состоянии своей жертвы, Джонс решил застигнуть его врасплох, когда тот ослабит свою хватку. Понимавший спиной порог, Джонс понял, что они находятся уже в дверях мастерской.

И тогда он рывком вскочил на ноги из своего неудобного полулежачего положения. Чувство смертельной опасности придало ему сил. На мгновение он освободился от объятий застигнутого врасплох маньяка, а в следующую секунду, после удачного выпада, его собственные руки сомкнулись на шее Роджерса, скрытой под толстым причудливым одеянием. Одновременно Роджерс вновь обхватил Джонса, и между ними началась смертельная схватка. Спортивная подготовка Джонса была теперь его единственной надеждой на спасение, поскольку напавший на него безумец действовал, не признавая никаких правил, и, кажется, был лишен даже инстинкта самосохранения, а от этого — не менее опасен, чем взбесившийся волк или пантера.

Дикую схватку сопровождали то и дело раздававшиеся в темноте утробные стоны и хриплое рычание. Брызгала кровь, слышались звуки разрываемой одежды, и наконец Джонс добрался до самого горла Роджерса. Он вкладывал все свои силы в защиту собственной жизни. Роджерс пинался ногами, бодался, пытался выдавить Джонсу глаза, кусался, царапался и плевался, и в то же время находил силы, чтобы выкрикивать время от времени какие-то непонятные фразы. Большинство из них имело явное сходство с ритуальными заклинаниями, в которых постоянно упоминался некий Ран-Тегот, и Джонсу казалось, что эти выкрики отдаются где-то вдали демоническим фырканьем и глухим низким лаем. Противники катались по полу, переворачивая скамейки и ударяясь то о стены, то о кирпичное основание плавильной печи в центре комнаты. До самого последнего момента Джонс не был до конца уверен в своем спасении, но наконец судьба проявила к нему благосклонность. Ударив коленом в пах Роджерса, он заставил его ослабить хватку, и секунду спустя Джонс понял, что победил.

С трудом поднявшись на ноги, он принялся, спотыкаясь, шарить по стенам в поисках выключателя, поскольку его фонарь пришел уже в полную негодность, как, впрочем, и вся одежда. Пока Джонс, пошатываясь, бродил по комнате, ему приходилось волочить своего противника за собой, так как он опасался неожиданного нападения, если тот очнется. Найдя щиток с выключателями, Джонс пощелкал ими, пока не нашел нужный. Затем, когда яркий свет залил разгромленную мастерскую, он принялся связывать Роджерса попавшейся под руку веревкой. Маскарадный костюм безумца — то есть то, что от него осталось

лось — оказался сшитым из чрезвычайно странного сорта кожи. Почему-то Джонса всякий раз передергивало, когда он прикасался к ней, и кроме того от нее исходил какой-то необычный горьковатый запах. Однако под этим кожаным одеянием, в кармане обычного костюма Роджерса, Джонс нашел кольцо с ключами и зажал его в руке, с облегчением подумав, что теперь он наконец-то свободен. Шторы на всех трех окнах-щелочках были тщательно задернуты, и он не стал открывать их.

Смыв с лица и рук кровь, Джонс подыскал себе среди музейного реквизита более-менее подходящий по размеру и виду костюм. Затем, проверив дверь черного хода, он обнаружил, что та заперта на английский замок, для открытия которого изнутри ключа не требовалось. Тем не менее он оставил ключи у себя, чтобы иметь возможность вернуться сюда и привести врача, поскольку здесь определенно требовалась неотложная помощь психиатра. В музее не было телефона, но найти поблизости какой-нибудь ночной ресторан или аптеку, откуда можно позвонить, не составляло большого труда. Джонс собирался уже открыть дверь, как вдруг из другого конца комнаты до него донесся поток отборных ругательств. Роджерс, чьи видимые повреждения ограничивались длинной глубокой царапиной на левой щеке, пришел в себя.

«Глупец! — яростно кричал он.— Отродье Нот-Йидика, зловонное порождение К’туна! Сын собаки, воющей в пучине Азатота! Ты мог бы обрести святость и бессмертие, а вместо этого предал Его и Его жреца! Теперь берегись, ибо Оно голодное! На твоем месте мог бы быть Орабона — этот проклятый предатель,— но я предоставил тебе первому эту честь. Теперь же берегитесь оба, Оно не будет церемониться с вами!

Эо-эо! Отмщение грядет! Знаешь ли ты, как ты мог стать бессмертным? Взгляни на эту печь — воск уже в котле, осталось только зажечь огонь. И я сделал бы с тобой то, что сделал уже с другими когда-то жившими существами. Эй! Ты, который клялся, что все мои изваяния — всего лишь воск, сам превратился бы в восковую статую! Когда Оно утолило бы свою жажду, и ты стал бы похож на ту собаку, что я тебе сегодня показывал, я сделал бы твои раздавленные, исколотые останки бессмертными! Воск превратил бы твое тело в мумию, а твоя душа вселилась бы в великого и могущественного Ран-Тегота.

Разве не ты говорил, что я великий художник? А все очень просто: воск — с головы до ног, дюйм за дюймом. Йа! Йа! А потом весь мир смотрел бы на твой исковерканный труп и удивлялся, как я сумел вообразить и создать такое! Ну, что скажешь? А Орабона был бы следующим. А за ним и другие... Так росла бы моя коллекция.

И ты, предатель, все еще думаешь, что я сделал все эти экспонаты? Почему бы тебе не сказать теперь «законсервировал»? Ты ведь прекрасно знаешь, в каких необычных местах я побывал, и какие интересные вещи привез с собой. Трус! Ты никогда не смог бы встретиться лицом к лицу с той тварью, чью шкуру я надел, чтобы испугать тебя. Один взгляд на нее — и ты бы умер на месте от ужаса! Йа! Йа! Но Оно сейчас жаждет крови, ибо кровь есть сила и жизни!»

Роджерс, упервшись в стену спиной, раскачивался из стороны в сторону в своих крепких путах.

— Послушай, Джонс, а если я отпущу тебя, ты меня развязешь? Ведь я — Его верховный жрец и должен позаботиться о Нем. Одного Орабоны будет вполне достаточно, чтобы поддержать Его жизнь, а когда с ним будет покончено, я с помощью воска сделаю Его останки бессмертными, и их увидит весь мир. Я больше не побеспокою тебя. Отпусти меня, и я разделю с тобой всю ту власть, которую даст мне Оно. Йа! Йа! Велик и бессмертен Ран-Тегот! А ты отпусти меня. Отпусти! Оно страдает от жажды там, внизу, и если Оно погибнет, то Старцы никогда больше не вернутся. Эй! Развяжи же меня!

Но Джонс только грустно покачал головой. Ужасные фантазии хозяина музея вызывали у него горечь и отвращение. Роджерс, который теперь безумно уставился на толстую дверь с висячим замком, снова и снова бился головой о кирпичную стену и лягался туго связанными лодыжками. Джонс опасался, как бы он не причинил себе каких-нибудь повреждений, и приблизился, чтобы привязать его к чему-нибудь неподвижному. Однако Роджерс, извиваясь, отполз от него подальше и испустил серию неистовых завываний, громкость которых была просто невероятной. Трудно было представить себе, что человек способен производить столь оглушительные звуки, и Джонс подумал, что если так будет продолжаться, то искать телефон не потребуется. Визит констебля, несомненно, не заставит себя долго ждать, хотя в этом безлюдном районе вряд ли кто-то пожалуется на нарушение тишины.

— Уза-й-ей! Уза-й-ей! — завывал безумец. — Йкаабаабо-ии! Ран-Тегот! Ктулу-фтан. Эй! Эй! Эй! Эй! Ран-Тегот! Ран-Тегот! Ран-Тегот!

Связанный Роджерс, корчась, прополз по замусоренному полу к запертой двери и начал биться об нее головой. Джонс опасался подходить к нему, чувствуя себя разбитым и истощенным после недавней схватки. Этот приступ ярости Роджерса сильно действовал ему на нервы, и постепенно Джонс ощутил, что ночные страхи с новой силой начинают овладевать им. Все, что было связано с Роджерсом и его музеем, порядком угнетало его и неприятно напоминало о мрачных перспективах загробной жизни. И совсем уж невыносимо было думать о том восковом шедевре безумного гения, который скрывался сейчас со всем рядом — в темной комнате за тяжелой дощатой дверью.

А затем случилось то, от чего дрожь ужаса пробежала по всему телу Джонса, и волосы на его голове встали дыбом. Роджерс перестал вдруг кричать и биться головой о дверь, напрягся и сел, склонив голову набок, словно внимательно прислушиваясь к чему-то. Затем его лицо искривилось в злорадной торжествующей ухмылке, и он вновь заговорил связно каким-то хриплым шепотом, странно контрастирующим с его недавними громогласными воплями.

— Внимай мне, глупец! И запомни все, что я скажу! Он услышал мой зов и идет сюда. Разве ты не слышишь плеск воды в бассейне в конце коридора? Я вырыл его глубоко под землей. Он ведь амфибия — ты же сам видел жабры на фотографии. Он пришел на Землю со свинцово-серой планеты Йуггот, где города расположены на дне бескрайнего теплого моря. Он слишком высок и не может подняться в бассейне в полный рост. Отдай мне ключи — мы должны открыть Ему дверь и пасть перед Ним на колени. Затем мы принесем Ему собаку или кошку. Или, может быть, какого-нибудь пьяного — чтобы утолить его жажду.

Джонса поразили не сами слова безумца, а то, как он произнес их. Неподдельная уверенность, с которой звучал его хриплый шепот, была весьма заразительна. Под ее влиянием воображение даже самого хладнокровного человека могло отыскать вполне реальную угрозу в любой восковой фигуре. Взгляд Джонса был прикован к злополучной двери. Внимательно рассматривая ее, он заметил несколько трещин в досках, хотя никаких других повреждений на этой стороне двери не было. Джонс размышлял о

том, насколько большое помещение скрыто за этой дверью, и как там может располагаться восковая фигура. Ведь идея безумца о коридоре и подземном бассейне была столь же дикой, как и все остальные его изобретения.

Затем в какое-то ужасное мгновение дыхание Джонса перехватило, и он застыл на месте, как вкопанный. Кожаный ремень, которым он собирался привязать к чему-нибудь Роджерса, выпал из внезапно ослабших рук. Конечно, он и раньше мог бы предположить, что этот музей рано или поздно сведет его с ума, как это случилось с Роджерсом, но он совсем не был готов к тому, что этот момент наступит прямо сейчас. Однако именно теперь это действительно произошло — разум оставил его.

Рассудок явно отказывался служить Джонсу, поскольку внезапно им овладели настолько невероятные галлюцинации, что все ранее пережитое им этой ночью показалось ему теперь просто детской забавой. Роджерс только что уверял его, будто слышит плеск воды в бассейне, где находится мифическое чудовище. И вот теперь — спаси Господи! — сам Джонс уже отчетливо слышал этот плеск.

Роджерс заметил, как судорога искривила лицо Джонса, а потом превратила его в застывшую маску ужаса, и рассмеялся:

— Ну теперь поверил, глупец? Наконец ты все знаешь! Ты слышишь Его? Оно идет сюда! Отдай мне мои ключи — мы должны засвидетельствовать Ему наше глубочайшее почтение!

Но Джонс уже не слышал его слов. Страх полностью парализовал его, и в сознании дикой чередой понеслись самые невероятные образы — один ужаснее другого. Вся трагедия была в том, что он действительно слышал плеск, затем различил звук шагов, будто огромные влажные лапы какого-то грузного существа тяжело ступали по каменному полу. Сквозь щели в проклятой двери на Джонса пахнуло нестерпимым зловонием, чем-то напоминавшим отвратительный запах из грязных звериных клеток в зоопарке Риджентс-парка.

Джонс не мог уже точно сказать, продолжает ли Роджерс говорить, или нет. Окружающая действительность непостижимым образом растворилась, и теперь Джонс стоял, как изваяние, охваченный этими невероятными галлюцинациями, которые были настолько жуткими, что их никак не удавалось отличить от реальности. Из-за двери явственно слышалось натужное сопение или хрюканье, а

когда под сводами потолка внезапно раздался громкий утробный рев, он уже мог поклясться, что этот голос принадлежит кому угодно, но только не связанному маньяку.

Перед глазами Джонса плясал ужасающий образ проклятой восковой твари, виденной им на фотографии. Нет, ее просто не могло существовать на Земле! Ведь это именно она свела его с ума!

Пока Джонс думал об этом, новое доказательство его собственного безумия со всей очевидностью предстало перед ним. Теперь он слышал, как кто-то гремит щеколдой с той стороны закрытой двери. Затем раздались какие-то шлепки, царапанье и тихий стук. Постепенно удары становились все сильнее и сильнее. Зловоние было просто ужасным. И наконец началась упорная, ожесточенная атака на эту прочную массивную дверь, напоминавшая работу стеноубитного орудия. Раздался жуткий треск, полетели щепки, мастерскую накрыла волна совершенно нестерпимой вони, и вот сквозь разбитую дверь просунулась черная лапа с крабовидной клешней на конце.

— На помощь! Спасите! Господи! А-а-а-а-а!!! — не своим голосом завопил Джонс, дико вытаращив глаза на представшее перед ним существо.

Позже он едва мог вспомнить, как его тяжелое оцепенение сменилось неистовым порывом к спасению. То, что он сделал тогда наяву, напоминало бегство от смертельной опасности вочных кошмарах. Джонс одним прыжком преодолел разгромленную мастерскую, рванул наружную дверь, с грохотом захлопнул ее за собой, одним махом перепрыгнул через три каменные ступеньки и со всех ног кинулся прочь от этого места через вымощенный булыжником двор, а затем по пустынным улицам Саутворка.

На этом его воспоминания обрываются. Джонс не в силах был объяснить, как он добрался домой. Не осталось никаких свидетельств того, что он поймал такси или воспользовался каким-то другим видом транспорта. Скорее всего, он проделал весь путь бегом, ведомый слепым инстинктом самосохранения — через мост Ватерлоо, вдоль Стрэнда и Чаринг-кросс, и далее по Хэймаркет и Риджент-стрит до самого дома. Когда Джонс немного пришел в себя и смог уже вызвать доктора, он все еще был одет в свой причудливый костюм из музейного реквизита.

Через неделю врач разрешил ему встать с постели и выйти на свежий воздух.

Однако Джонс мало что рассказал врачам. Ведь это приключение было покрыто завесой безумного кошмара, и он чувствовал, что в его положении молчание — самый лучший выход. Когда же он наконец немного оправился, то внимательно просмотрел все газеты, скопившиеся за полторы недели, прошедшие с той ужасной ночи, но, к своему удивлению, не нашел в них никаких упоминаний о музее. Ему не давал покоя вопрос, что же все-таки случилось тогда на самом деле? Где кончается реальность и начинается игра больного воображения? Неужели его разум совершенно помутился в ту ночь в темноте этого проклятого выставочного зала, и вся схватка с Роджерсом ему только привиделась? Джонс решил, что придет в себя скорее, если сможет разрешить эти мучившие его вопросы. По крайней мере, ту злосчастную фотографию восковой твари он видел наверняка, поскольку никто кроме Роджерса не смог бы вообразить себе что-либо подобное.

III

Прошло две недели, и Джонс отважился вновь посетить Саутворк-стрит. Он отправился туда в середине дня, когда в районе музея кипела нормальная будничная суета вокруг магазинов и окрестных складов. Вывеска музея была на прежнем месте, и, подойдя ближе, Джонс увидел, что экспозиция открыта для посещения. Привратник вежливо кивнул ему, узнав недавнего завсегдатая, и Джонс, собрав все свое мужество, вошел внутрь. Внизу, в мрачном сводчатом зале, служитель, завидев его, приветливо тронул рукой фуражку. Возможно, все, произшедшее в ту страшную ночь, было всего лишь сном. Но отважится ли он постучать в дверь мастерской и спросить Роджерса?..

В этот момент к Джонсу подошел Орабона и тепло поприветствовал его. На смуглом гладко выбритом лице ассистента застыла легкая усмешка, однако выглядел он вполне дружелюбно и тут же заговорил со своим едва заметным акцентом.

— Добрый день, мистер Джонс. Давненько вы у нас не были. Вы, наверное, хотите видеть мистера Роджерса? Сожалею, но его сейчас нет. Ему пришлось срочно отправиться по делам в Америку. Да, он уехал очень неожиданно. Поэтому пока его замещаю я — и здесь, и дома.

Я, разумеется, стараюсь поддерживать высокий престиж коллекции мистера Роджерса, пока он не вернется.

Иностранец улыбнулся — возможно, просто из вежливости. Джонс не знал, что ответить, однако попытался осторожно расспросить его о дне, последовавшим за его предыдущим визитом. Вопросы, казалось, позабавили Орабону, и он благосклонно отвечал на них, тщательно подбирая слова:

«О да, мистер Джонс, я помню — это было двадцать восьмое число прошлого месяца. Я запомнил этот день по многим причинам. Утром — перед тем, как сюда пришел мистер Роджерс, — вы понимаете, я обнаружил мастерскую в страшном беспорядке. Пришлось даже... провести уборку. Видимо, там допоздна шла работа. Важный новый экспонат проходил процедуру вторичного обжига. Мистера Роджерса еще не было, и мне пришлось заканчивать все самому.

Да, над этим экспонатом изрядно пришлось потрудиться, но я многому научился у маэстро. Ведь он, как вы знаете, поистине великий художник. Когда же он появился, то помог мне закончить эту работу. Причем помог самым непосредственным образом, уверяю вас. Но очень скоро уехал, не успев даже попрощаться с другими служащими. Как я уже говорил, ему пришлось срочно отбыть за границу.

В то утро при обработке экспоната проходили определенные химические реакции. Они наделали много шума, так что некоторые люди на улице даже вообразили себе, будто слышали пистолетные выстрелы. Забавно, не правда ли?

Что же касается самого этого экспоната, то ему не очень повезло, хотя я, например, считаю его самым выдающимся шедевром мистера Роджерса. Ну, ничего — он разберется с этим делом, когда приедет».

Орабона вновь улыбнулся.

— Возникли даже кое-какие проблемы с полицией, — продолжал он. — Мы выставили это произведение неделю назад, и на следующий день в музее случилось два или три обморока. С одним несчастным перед этой фигурой произошел даже эпилептический припадок. Дело в том, что она немного... внушительнее, чем все остальные. Во-первых, крупнее. Естественно, эта работа находилась во «взрослом» отделении. А на следующий день появились двое сыщиков из Скотланд-ярда, осмотрели ее и заявили, что демонстрировать такое нельзя, поскольку это слишком

сильно действует на психику. Нам было приказано убрать ее. Это просто позор — прятать от зрителей такое произведение искусства! Но я не чувствую себя вправе обращаться в суд в отсутствие мистера Роджерса. Ему бы не захотелось предавать это дело огласке. Но когда он вернется...

Вдруг Джонс почему-то почувствовал внезапный прilив беспокойства и тошноту. Но Орабона продолжал:

— Вы настоящий знаток искусства, мистер Джонс. И я уверен, что не нарушу никакой закон, если позволю вам взглянуть на эту работу в частном порядке. Возможно — если, конечно, так пожелает мистер Роджерс — позже мы уничтожим этот экспонат. Но по моему мнению, это было бы настоящим преступлением.

Джонс испытывал непреодолимое желание немедленно покинуть музей, но Орабона схватил его за руку и потащил за собой с одержимостью и энтузиазмом настоящего художника. «Взрослое» отделение было безлюдно. В дальнем его конце виднелась отгороженная занавеской большая ниша, и именно к ней направился Орабона.

— Вы, мистер Джонс, должно быть, догадываетесь, что статуя называется «Жертвоприношение Ран-Теготу».

Джонс вздрогнул, но Орабона, казалось, не заметил этого.

— Это огромное уродливое божество упоминается в некоторых малоизвестных легендах, которые изучал мистер Роджерс. Все это, конечно, чушь, как вы сами много раз уверяли мистера Роджерса. Существо это якобы прибыло на Землю из космоса и жило в Арктике три миллиона лет назад. Оно обходилось со своими жертвами довольно жестоко и своеобразно, как вы сейчас сможете убедиться. Мистер Роджерс сделал все чрезвычайно правдоподобно, вплоть до лица жертвы.

Дрожа всем телом, Джонс схватился за латунное ограждение перед занавешенной нишей. Он протянул было руку, чтобы остановить Орабону, когда тот начал открывать занавеску, но что-то удержало его. Иностранец расплылся в торжествующей улыбке.

— Смотрите!

Джонс пошатнулся и едва удержался на ногах, судорожно вцепившись в ограждение.

Боже всемогущий! — чуть слышно выдохнул он.

На гигантском троне из слоновой кости, покрытом нелепыми резными украшениями, восседало чудовище неописуемо жуткого вида. Оно приселло на задних лапах,

слегка склонившись вперед, словно готовое к прыжку, и, тем не менее, имело высоту около десяти футов. Во всей фигуре чудовища таилась какая-то дьявольская угроза. Шестиногая тварь двумя средними лапами держала нечто раздавленное, искореженное и обескровленное, испещренное тысячами отверстий и местами будто бы обожженное кислотой. Лишь изувеченная голова жертвы, висящая где-то сбоку с высунутым языком, позволяла догадаться, что эти останки принадлежат человеку.

Любому, кто хоть однажды видел ту злосчастную фотографию, не надо было объяснять, как называется этот монстр. Проклятый снимок был поразительно достоверным. И в то же время он не мог передать весь ужас, исходящий от чудовища в его реальном воплощении. Шарообразный торс, некое подобие головы в виде пузыря, три рыбьих глаза, хобот длиной около фута, выпяченные жабры, жуткое скопление змеевидных щупалец на голове, шесть извилистых конечностей, оканчивающихся крабыми клешнями — все это заставляло содрогаться от страха и отвращения. О, как знакома была Джонсу эта черная лапа с клешней!..

Плотоядная улыбка Орабоны стала просто омерзительной. У Джонса перехватило дыхание, но он продолжал пристально смотреть на этот жуткий экспонат, не в силах оторвать от него глаз. Что же заставляло его так внимательно разглядывать изваяние и выискивать в нем все новые детали? Ведь именно этот монстр свел с ума Роджерса, заставив великого художника говорить, что его статуи не были искусственными...

Вскоре Джонс понял, что именно приковало его взгляд. Это была висящая раздавленная голова жертвы. Ее обезображенное лицо все же сохранило какие-то узнаваемые черты и однозначно напоминало лицо бедняги Роджерса. Джонс вглядывался в него все пристальнее, не понимая, однако, почему он это делает. Разве не естественно для сумасшедшего эгоиста увековечить свои черты в созданном им шедевре? Или там было что-то еще, что улавливалось подсознанием Джонса, но разум в ужасе пытался от себя отогнать?

Изуродованное лицо было вылеплено с фантастическим мастерством. Взять хотя бы эти отверстия — как точно они повторяли бесчисленные раны, каким-то непостижимым образом нанесенные той несчастной собаке! Но все же что-то здесь было не так. На левой щеке жертвы имелось какое-то слабое отклонение от общей схемы — как будто

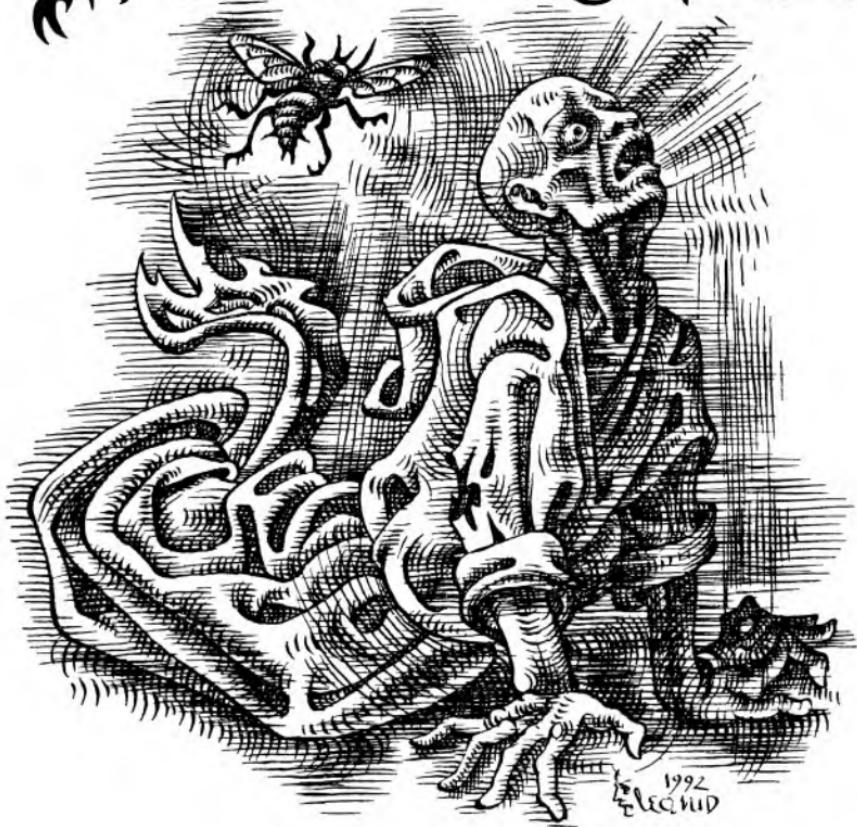
скульптор пытался скрыть некий первоначальный дефект своей работы. И чем дольше приглядывался Джонс, тем ему становилось страшнее. А затем он вдруг вспомнил одно обстоятельство, которое повергло его в совершенно неописуемый ужас: ведь та страшная ночная схватка закончилась именно тем, что он заметил у связанного Роджерса длинную и глубокую царапину на левой щеке настоящего Роджерса...

Рука Джонса, державшаяся за поручень, медленно разжалась, и он потерял сознание.

Орабона разразился сатанинским хохотом.

АНТОН · БЕРКЕ

МУЖА

I

услышал эту историю от самого участника событий — бывшего преподавателя университета, ставшего впоследствии бездомным бродягой. Вероятно, в жизни его постигла какая-то неудача, и теперь он лежал в больнице на грани смерти.

И вот что он мне рассказал.

Погода была отвратительная — типичное английское лето. Весь день напролет дождь уныло стучал по крышам и журчащими струйками стекал на мостовые Сити по бесчисленным водосточным трубам. Купол собора Святого Павла окутала огромная туча. Небо хмурилось и в ближайшие часы не предвещало ничего хорошего.

Когда наступили сумерки, на какое-то время дождь все-таки прекратился, и я смог покинуть свое убежище под старой аркой, надеясь подыскать для ночлега более приятное место.

Было не холодно, даже напротив. В воздухе парило, как в тропиках, духота угнетала и нарастала все больше, но освежающая гроза почему-то задерживалась. Я был так голоден, что у меня темнело в глазах, подташнивало, и я едва не терял сознания. Мерещилась чистая постель. И я тупо блуждал в поисках какой-нибудь комнаты за сравнительно доступную плату.

И вот, когда ноги сами вынесли меня в район Холборн, я впервые увидел этот дом. Если бы тогда меня переехал какой-нибудь случайный грузовик, мне не пришлось бы

пережить такой ужас, и я не рассказывал бы вам сейчас весь этот кошмар.

Дом был небольшой, но очень старый. В этом районе полно таких памятников времен Елизаветы. Казалось, его красивые высокие окна ухмыляются, видя мою нищету, и бросают мне в лицо наглый вызов. Над входом я увидел табличку со словами, которые вселили в меня немалую надежду — «Дом сдается». Время уже было позднее, улицы опустели, и голова моя гудела от напряжения и усталости, как небо, так и не разрядившееся долгожданной грозой. И вдруг, словно подхлестывая меня в моей нерешительности, огромная капля упала мне прямо на лоб. Капля была липкой и теплой, как сама эта ночь, и все сомнения тут же рассеялись. Внутри этого самоуверенного и надменного дома, несомненно, меня ждало убежище от предстоящей бури.

Я осторожно приблизился к двери. Естественно, она оказалась запертой. На всякий случай я проверил окна первого этажа и выругался: как всегда, мне фатально не везло. Но тут я заметил, что одно окно не совсем плотно закрыто — видимо, ослабли болты. Я огляделся по сторонам. Полицейский, дежуривший на углу, как раз повернулся ко мне спиной, две парочки торопливо побежали мимо. Свидетелей нет. Остальное было делом одной минуты. Звон стекла, поворот ручки — и окно открыто.

Открыто, и соблазнительно манит вовнутрь.

Из последних сил я вскарабкался на подоконник и, спустя считанные секунды, довольно неловко плюхнувшись на пол, все же оказался в заветном месте.

Не знаю, сколько времени я пролежал на полу, пытаясь отдохнуться. Сердце бешено колотилось, в висках стучало. Может быть, часа полтора, а может, всего несколько минут. Наверное, я все-таки потерял сознание. Еще бы! Уже три дня у меня во рту не было ни крошки! Но вот, наконец, я поднялся, закрыл окно, чтобы не вызывать подозрений, и осмотрел карманы в поисках завалавшейся спички.

Когда спичка зажглась, я чуть не выронил ее при виде открывшегося зрелица.

Комната была обставлена дорогой старинной мебелью в стиле XVII века. На большом мраморном камине возвышался серебряный подсвечник на семь свечей, и я сразу же зажег их, чтобы разглядеть все получше.

Вначале я подумал, что от голода у меня начались галлюцинации. Но нет — все было настоящим. И я, несчастный бездомный бродяга, нашел приют в таком месте, описать которое не хватает никаких слов. Это был настоящий рай антиквариата!

С подсвечником в руке я подошел к двери комнаты и ненадолго задержался у порога. Мне вдруг стало не по себе. Снаружи дом казался пустым и заброшенным, и свидетельством тому была табличка о сдаче. Внутри же стояла роскошная мебель, и все говорило о том, что здесь живут люди. Неужели я ошибся?

Я вполне мог попасть не туда, куда хотел, если принять во внимание мое тогдашнее плачевное состояние. Если хозяева обнаружат меня, мне несдобровать. Насколько я помнил, полицейский стоял совсем рядом, и если меня отведут в участок, то все мои отговорки покажутся неубедительными. С точки зрения хозяина дома, я был самым настоящим вором-взломщиком.

Тюрьма? Да, она представляла своего рода убежище, но моя природная гордость всегда вынуждала меня отказываться от выгод тюремного заключения. Впрочем, какая у меня может быть гордость?.. Я только усмехнулся при мысли о ней, вспомнив о своем незавидном положении. И вот тогда-то я впервые услышал этот страшный звук.

Сперва я подумал, что шум — вернее, какое-то непонятное гудение — рождается в моей голове, и приготовился к новым сюрпризам, которые мог преподнести мне мой до крайности измученный организм. Гул то нарастал, то почти прекращался, но не совсем, будто какой-то невидимый самолет кружил высоко над домом. Я остановился и встряхнул головой, чтобы избавиться от этого назойливого шума в ушах. Но нет, гудение не прекращалось, и было такое впечатление, будто я засунул голову в пчелиный улей.

Как только мне на ум пришло это сравнение, я заметил, что в комнате стало теплее. Покачнувшись, я протянул руку вперед и толкнул тяжелую дверь. Она открылась, и через секунду я очутился в просторном зале. И в тот же миг гудение смолкло.

При свете свечей я заметил небольшую дверь, ведущую, очевидно, на кухню, и сразу же шаткой походкой направился туда — там наверняка найдется что-нибудь съестное! Я шел медленно, опасаясь, как бы скрипучие дубовые половицы не выдали меня хозяевам.

Очень осторожно открыв эту маленькую дверь, я увидел, что она ведет в прихожую, а уже оттуда можно попасть и в кухню.

Я поднял подсвечник над головой и внимательно осмотрелся. Справа от меня была еще одна дверь — наверное, в спальню. Потом я посмотрел налево и чуть не вскрикнул от радости.

На маленьком кухонном столе была разложена еда, о которой я не мог даже мечтать. Поставив подсвечник на пол, я тут же набросился на нее и стал жадно поедать буквально все, что попадалось мне под руку. Все принципы высокой морали в мгновение ока исчезли. В конце концов, я — человек, живое существо, и не ел уже несколько дней. Кто же посмеет упрекнуть меня в том, что я не смог отказать своему измученному телу и оказался не в силах стерпеть приступы адской боли в желудке?

Тут я снова услышал этот неприятный, давящий звук — низкое, протяжное гудение. Но теперь я уже точно знал, что это не плод голодных галлюцинаций — голова моя уже прояснилась. Я опустил стакан, который только что наполнил каким-то сладким вином, и прислушался.

Похоже, гул шел из спальни. Отпив немного вина, я подошел к двери и прильнул ухом к замочной скважине.

Зззз-ззз-ззз!..

Да, ошибки не было — звук шел именно оттуда. Тогда я решил посмотреть, что же там происходит, но через замочную скважину ничего не увидел — в комнате было слишком темно. И вдруг странное желание овладело мной. Я захотел непременно выяснить, откуда исходит этот гул и, рискуя разбудить жильцов, все же отважился осторожно повернуть ручку двери.

Почти сразу же гудение прекратилось. Медленно, очень медленно я открыл дверь и заглянул внутрь. И сердце мое сжалось от ужаса.

Посередине комнаты на двух стульях стоял гроб, а на полу возле него — два подсвечника с торчащими коротенькими огарками. В углу я заметил большую кровать с балдахином, на которой в беспорядке была разбросана одежда. Рядом с кроватью лежала и крышка гроба.

Сначала при тусклом свете свечей мне показалось, что в гробу лежит негр. Я подошел ближе, и по мере моего приближения гул начал усиливаться.

И вдруг как будто вуаль поднялась с трупа, обнажая то, что осталось на его обглоданном гноящемся лице, пред-

ставшем перед моим испуганным взором. Едва не задохнувшись от адского смрада, я отшатнулся и зажмурился, чтобы не смотреть на это изуродованное голое существо. От жуткого запаха гнили тошнота волной подкатила к горлу. Стارаясь не дышать, чтобы не чувствовать этой дикой вони, я шагнул назад, но что-то попало мне под ноги, я споткнулся, задел спиной дверь, и она с шумом захлопнулась. Секунду спустя я уже отбивался от тысяч мух, которые слетели с трупа и теперь яростно атаковали меня, мстя за то, что я помешал их пиршеству.

Я отчаянно отмахивался руками, правда, без особого успеха. Мне показалось, что вся эта комната ожила и превратилась в миллионы крошечных липких волосатых лапок, хватающих меня со всех сторон. И ни на секунду не прекращался этот кошмарный гул — звук бьющихся в зловонном воздухе крыльев. Одна муха, крупнее всех остальных, села на мою верхнюю губу и попыталась просунуть свое жирное тельце мне в рот. Я вспомнил о трупе, которым она только что питалась, и меня затошило. Я с силой ударил себя по губам, с хлюпаньем раздавил эту жирную муху и услышал, как она тяжело брякнулась на пол.

Каким-то образом мне удалось добраться до двери прихожей и открыть ее. Отбиваясь от мух, я потерял свой подсвечник и теперь наощупь пробирался в гостиную, постоянно спотыкаясь и задыхаясь от ужаса. Дверь спальни захлопнулась за мной, и я всплагодарил бога за свое спасение. В поведении этих крылатых бесов было что-то очень странное, будто они обладали единым разумом, действовали сообща и нападали на меня по определенной схеме, словно их движением руководил один высший лидер или общий разум.

Оставшись в темноте, я стал наугад искать дверь, ведущую в зал. И наконец пальцы нащупали ручку. Я резко повернул ее, потом еще и еще раз, но дверь не открывалась — замок проскальзывал, и страшная мысль пронзила мой мозг: захлопнув все двери с пружинными замками, я заточил сам себя в этом дьявольском доме.

Обезумев от ужаса, я начал изо всех сил ломиться в дверь. Я вновь и вновь всем телом наваливался на эту неодолимую дубовую преграду, тратя только что восстановленные силы на бесполезные, отчаянные попытки выбраться из прихожей. И почти уже потерял надежду, как вдруг вспомнил о кухне.

— Идиот! — громко выругался я и, спотыкаясь, бросился в темноте к другой двери. Здесь, только здесь меня

ждет избавление! Я повернулся и погрозил кулаком этим мерзким жужжащим тварям, запертым в спальне за той страшной дверью.

Они хотели получить мое тело — пить теплую кровь и терзать живую плоть! Я почувствовал это, я знал это уже тогда, в комнате, когда отбивался от них. Но я их обману.

Победно захочтав, я кинулся в кухню, надеясь через черный ход выйти на улицу. Справа от меня было большое окно, через которое лунный свет проникал в помещение. Я попробовал повернуть щеколду на задней двери, и — о дева Мария! — она поддалась. Но потом смех мой стих. Проклятая дверь не двигалась ни в какую. Я толкал ее и тянул на себя, но все было тщетно. И лишь повнимательней приглядевшись к двери, я понял, в чем дело. Острые кончики гвоздей торчали через равные промежутки по всему ее периметру — мой единственный выход был заколочен снаружи большими гвоздями.

Но почему?

Вдруг на улице послышался звон колокольчика. Я выглянул в окно. Как странно выглядят ночью эти прекрасно знакомые мне места!

Передо мной была какая-то совершенно неизвестная часть города. Соседние дома стояли так близко, что, казалось, можно дотянуться до них рукой. Я заметил, что все они очень необычно раскрашены, а крыши сходятся так близко, что едва остается место для света — только узенькие полоски неба между домами.

Звон колокольчика приближался. Теперь он был слышен совсем уже рядом, и сквозь него я различил стук колес о булыжную мостовую. Раздавался еще чей-то монотонный голос, но слов я пока разобрать не мог.

Какой торговец мог приехать сюда со своей повозкой в такое время? Но кто бы он ни был, я мог надеяться получить от него помошь, надо было только привлечь как-то к себе его внимание. Я вскарабкался на стол возле окна и посмотрел вниз. Дом стоял на косогоре, и прыгать отсюда было невозможно — слишком высоко находилось это окно.

Наконец на улице появилась повозка, запряженная понурой вороной лошадью, которую вел под уздцы хмурый мужчина. В руке он держал колокольчик и время от времени что-то выкрикивал. На повозке сидел еще один человек, и у обоих были такие скорбные лица, будто случилось что-то очень серьезное.

На столе я увидел старинный фонарь и, отыскав спичку, зажег его, поднес к окну и начал медленно рассказывать из стороны в сторону. Скоро они заметят меня, остановятся и помогут выбраться из этого проклятого дома.

Ну вот! Он заметил меня и машет рукой. Но что он все время выкрикивает с такой странной настойчивостью? Я улыбнулся и кивнул, подзывая его подъехать ближе.

И тут слова его донеслись до моих ушей. Неужели я сошел с ума? Я ведь ничего раньше не знал об этом трупе в соседней комнате. Так почему же он многозначительно указал мне пальцем на крыльцо и вновь прокричал: «Выносите трупы!» — а потом показал на тележку, нагруженную — чем бы вы думали?.. Я содрогнулся, увидев, что в повозке в одну невероятную жуткую кучу свалены люди, и, когда лунный свет упал на нее, я заметил, что некоторые из них еще живы!

Все еще не понимая, что происходит, я посмотрел на дома напротив и отчаянно закричал. На каждой двери был нарисован мелом большой жирный крест — знак смерти, знак безнадежности; знак, понятный во всем мире — КРЕСТ ЧУМЫ!

Повозка покатилась дальше, а я стоял, как громом пораженный, и не мог двинуться с места. Я был ошеломлен. Неужели, попав в этот дом, я провалился на три столетия назад? Может быть, я уже умер в той злосчастной арке, и все это — мой собственный ад? Я сжал голову руками и в этот миг вновь услышал над собой зловещее жужжение.

Дрожа от страха, я на цыпочках подкрался к двери, высоко подняв над головой свой фонарь. Гул настолько усилился, что его уже нельзя было сравнить даже с пчелиным роем. Мухи пришли в бешенство из-за того, что их жертва оказывала им сопротивление. А ведь живая добыча, наверное, была для них куда приятнее трупа!

В доме была страшная духота, и мне очень хотелось пить. Я вспомнил о еде и вине, но едва взглянув на стол, тут же с отвращением отшатнулся. Неужели всего несколько минут назад я мог есть эту пищу, сплошь кишащую жирными белыми червями и яйцами мух? Или все это успело стухнуть за то время, пока я отсутствовал?

И вдруг над головой я услышал громкое победное жужжение, повернул голову и замер, не в силах пошевелиться.

На кусок тухлого мяса величественно опустилась огромная жирная муха размером с грецкий орех. Она не

двигалась, но в ее позе было что-то вызывающее и зловещее. Через секунду к ней присоединились еще две такие же, и теперь жужжание стало слышно даже в гостиной.

Я посмотрел на дверь спальни, и вопль ужаса вырвался из моей груди. Из-под двери сплошным потоком ползли насекомые величиной с крупную вишню, не меньше. На мгновение останавливаясь у щели, они расправляли крылья и взлетали на стол. Там они занимали боевую позицию, выстраивались ровными рядами позади трех своих предводителей.

Адский гул наполнил все помещение. Мухи торжествовали. С дьявольской методичностью они готовились к последней атаке. Им удалось перехитрить меня, и теперь они только ждали сигнала к нападению. А я стоял парализованный, наблюдая, как они продолжают выстраивать свои ряды.

Несколько секунд они сидели на столе неподвижно и поджидали, пока последние солдаты этой безумной армии займут свои места. А потом, как одно существо, разом поднялись в воздух, и все вокруг загудело от движения миллионов их крыльев, и гул этот гимном смерти разнесся по всему дому.

С диким криком я выбежал в кухню, уронив по дороге фонарь, а тысячи паразитов с ревом вихрями носились вокруг меня, садились на лицо, шею, забивались в уши и рот. Я ничего не мог видеть и, слепо отбиваясь от них, насили ускарабкался на стол у окна. До земли было не менее шестнадцати футов, но я ни секунды не колебался. В доме чума, мухи несут ее на себе, а значит, вся пища тоже была заражена! Едва вспомнив о еде, я почувствовал отчаянный приступ тошноты.

Окончательно теряя голову, я размахнулся и кулаком высадил стекло. И хотя судьба моя была уже предрешена, я решил обмануть этих тварей. Пусть лучше жрут мой труп, но живое тело — никогда!

— Выносите трупы! — в истерике закричал я.

А потом закрыл глаза и шагнул в пустоту.

На этом бродяга смолк, и конец истории я узнал уже от его врача, которого встретил на улице, выходя из больницы.

— Его подобрали в одном из переулков в Холборне. Несчастный случай — грузовик переехал ему ноги. Бед-

няга, он почти умирал от голода и, естественно, бредил. И с тех пор я никак не могу заставить его забыть всю эту чушь, которую он вам сегодня рассказывал.

Весь вечер я размышлял над услышанным. Правдива эта история или же является собой бред больного? Так и не найдя ответа, я отправился в Холборн, но не смог разыскать того дома, о котором шла речь в рассказе бродяги. Шофер скорой помощи показал мне то место, где подобрали несчастного. Долгое время я наводил справки и выяснил, что дорога проходит здесь над местом захоронения жертв великой эпидемии Черной Чумы.

ЭВЕЛИН·ФАВИАН

ЛЮД
И, ВОД
ОБСТЯМ

пагетти готовы, я уже иду,— раздался из кухни веселый голос Мэригольд.

Внезапно за окном взвыла и стихла сирена воздушной тревоги, и ее тут же подхватили другие, с той стороны реки.

Мэригольд вошла в гостиную с подносом в руках.

— Если будет слишком шумно — спустимся вниз. А пока давай спокойно пообедаем,— с улыбкой сказала она, развязывая розовый в цветочек передник. Мэригольд была одета в свое любимое желтое ситцевое платье, которое так ей нравилось.

Через открытые окна на скатерть падали оранжевые лучи заката. Их квартира находилась на седьмом этаже в большом старом доме на набережной. Внизу серебрилась Темза, подернутая легкой осенней дымкой.

— Садись, дорогой,— сказала она.— И посмотри, что я подготовила. Правда, я становлюсь настоящей хозяйкой?

Но он не смотрел на дымящееся блюдо, которое она держала в руках. Он разглядывал волосы Мэригольд, такие мягкие и золотистые, и ее глаза, полные счастья и любви.

Ей было двадцать лет, и шел уже пятый месяц их супружества.

— Ну сядь, пожалуйста. И чего ты так уставился? Я что, перепачкала себе нос помадой?

— Нет,— ответил он, пододвигаясь ближе к столу.— Просто я люблю тебя, и мне нравится на тебя смотреть.

Неожиданно где-то рядом раздался оглушительный взрыв, и вслед за ним что-то с тяжелым грохотом рухнуло.

— Боже мой! — воскликнула Мэригольд, вскакивая со стула.— Это совсем уже близко!

И прежде чем он успел ответить, тишина снова разорвалась пронзительным визгом бомб, дом опять затрясло, и стекла зазвенели от ударной волны.

— Быстрее вниз! — крикнул он.

Мэригольд послушно взяла сумочку. С тех пор, как начались бомбежки, она всегда была наготове. В сумочке лежали деньги, его письма к ней, фотографии, крем для лица, губная помада и обручальное кольцо.

Он взял свое пальто, фонарик, стащил с кроватей одеяла и вместе с женой заспешил вниз.

Спуск с седьмого этажа был для них делом довольно сложным — его больные ноги слушались плохо и не позволяли передвигаться с достаточной скоростью. Зато это избавило его от мобилизации и позволило наслаждаться семейным счастьем, когда все сверстники давно уже были на фронте.

С каждым новым взрывом стекла отчаянно дребезжали, и из всех дверей высакивали перепуганные жильцы с одеялами и перинами в руках.

Убежище находилось в подвале. Это была большая комната с низким сводчатым потолком. Несколько крохотных окошек были заложены мешками с песком. Повсюду стояли шезлонги и раскладушки.

Упрямая пожилая леди, которая заявила, что никакой немецкий налет не заставит ее покинуть Лондон, была уже внизу, закутанная в просторный сиреневый халат. Вокруг нее лежали многочисленные свертки. В дальнем углу разместилась парочка стариков, любивших порассуждать о разных взрывах. Две известные певицы читали, лежа на своих раскладушках. В другом углу грузный штабной капитан раздраженно сражался с заевшей молнией спального мешка.

Свет от единственной лампочки под потолком был притушен чьим-то темным носовым платком.

Налет ожидался долгий и сильный. Мешки с песком приглушали звук взрывов, но стены здания продолжали угрожающе содрогаться. Никто не разговаривал. Прошли те времена, когда в убежище еще слышались шутки и смех. Две ночи назад разбомбили дом напротив, и команда саперов до сих пор вытаскивала из-под обломков погибших.

Наконец постель для Мэригольд была готова. Улы-

баясь, он повернулся к ней, и она рассмеялась. Ее счастливый смех разнесся по убежищу, и сердитый штабной капитан с недовольным видом окинул их осуждающим взглядом. Он с тревогой прислушивался к шуму вновь приближающихся самолетов.

— Ты посмотри, какая я идиотка,— сказала она.— Я до сих пор держу в руках одеяло.

Мэригольд кинула его на раскладушку, и одеяло ярким пятном загорелось на сером фоне брезента. Наконец она улеглась, он заботливо накрыл ее сверху, а под голову вместо подушки положил свое свернутое пальто.

Никто не хотел спать, но все лежали тихо. Многие читали, либо делали вид, что читают. Где-то наверху надсадно рычали тяжелые самолеты, выли бомбы и зловеще ухали отдаленные взрывы. В убежище было сыро и холодно.

И вдруг в тишине подвала из коридора раздался громкий женский голос с сильным иностранным акцентом. Это было настолько же необычно, как если бы кто-то громко заговорил, например, в церкви.

— Спасибо вам. Я побуду здесь, пока все это не прекратится.

Дверь открылась, и в комнату вошла женщина. Ей указали на пустую раскладушку рядом с Мэригольд.

— Это кровать миссис Фостер, мисс.

Девушка сразу смущилась, поняв, что в помещении все молчат, и тихо присела на краешек раскладушки.

— Там нет одеяла,— шепнула Мэригольд.

Он поднялся и предложил незнакомке сложенный коврик, который лежал у изголовья его постели.

— А то вы замерзните,— сказал он.

— Вы очень добры,— ответила она, улыбаясь.— Я пришла к подруге — она живет наверху,— но неожиданно начался налет. И я решила побывать пока здесь.

Девушка опять улыбнулась и развернула предложенный коврик. На секунду их руки соприкоснулись, когда он помогал ей постелить его на раскладушку. Девушка легла и закрыла глаза. Вокруг головы у нее был обмотан вязаный красный шарф, который почти полностью скрывал ее волосы. Девушка лежала, не шевелясь. В тусклом свете он все же разглядел ее милые черты и пожалел, что не взял с собой альбом для набросков.

Раздался сильный взрыв, потом еще три подряд — все ближе и ближе. Темные фигуры людей встревоженно зашевелились. Мэригольд тоже заворочалась под одеялом,

потом повернулась и отыскала его руку. Она крепко сжала ее в своей холодной ладони. Но пальцы у нее не дрожали.

— Милый... Милый...— шептала она.

— Все в порядке, дорогая.

— Нет, я не боюсь,— быстро ответила она.— Просто я понимаю, что в любой момент могу умереть, а мы так еще мало прожили вместе и так сильно любим друг друга...— Она придвинулась к нему ближе и положила свою голову на плечо мужа. Ее волосы пахли папоротником. Он поцеловал ее, и Мэригольд, улыбнувшись, закрыла глаза.

— Любимый... Здесь мы в безопасности. Ты же знаешь, любовь моя, что мы можем умереть только вместе, правда же? Поэтому бомбы нам не страшны, да? Я так люблю тебя, дорогой мой. Никто на свете так еще не любил. Для меня никого нет лучше тебя, и ничто не сможет разлучить нас. Ты ведь никогда не бросишь меня, правда? Я каждый день благодарю бога за то, что у тебя не такие кости на ногах, как у всех, потому что теперь они не смогут отнять тебя у меня. Да, я знаю, что тебе не нравится, когда я так говорю, но ты подумай обо мне, дорогой. Что бы я без тебя делала?

Он крепко обнял ее, прижал к себе, поцеловал в веко и нежно погладил волосы, чтобы она успокоилась.

— А ты бы очень переживал, если б со мной что-нибудь случилось? — вдруг взволнованно спросила она, не обращая внимания на близкие взрывы, которые после короткого перерыва снова начали сотрясать подвал.

— Я не смог бы жить без тебя,— пристально глядя на нее, серьезно ответил он.— Ведь ты — вся моя жизнь.

Она облегченно вздохнула, закрыла глаза и замолчала. И так они тихо лежали рядом, спокойные и счастливые, а налет продолжался, и бомбы с воем рассекали небо, загорались фабрики, рушились церкви и мосты, как невесомые карточные домики на осеннем ветру.

И тут Мэригольд заговорила опять:

— Как ты думаешь, какой национальности эта девушка?

Он заворочался и никак не мог сообразить, о чем она спрашивает; ведь все его мысли были о ней...

— Наверное, чешка. Она красивая,— добавил он.— Прямая твоя противоположность — белокожая, темноволосая и худая. А ты у меня такая пышка, светленькая и румяная... Хорошо бы написать ее портрет в этом красном шарфе.

Он говорил так тихо, что девушка не могла услышать его, но она почему-то открыла глаза, посмотрела на него и улыбнулась.

Тем временем гул бомбардировщиков прекратился, и неожиданно наступила полная тишина.

— Улетели,— с облегчением вздохнул кто-то, и отовсюду послышались шутки по этому поводу. В убежище началось оживление. Прозвучала сирена отбоя.

Мэригольд спала. Она была так безмятежна под этим цветастым розовым одеялом, что ему не хотелось будить ее.

Он заметил, что штабной капитан поднялся и направляется к выходу, и бесшумно двинулся вслед за ним. После спретого подвального воздуха в коридоре было свежо и прохладно.

— Хочу посмотреть, как там наверху,— сказал капитан.— Да и пора бы уже перекурить.

Они поднялись по крутым каменным ступенькам, миновали еще один коридор и оказались перед входной дверью.

Ночной туман прорезали блуждающие лучи прожекторов. Высоко в небе зловеще горел маленький красный огонек, медленно упывающий по направлению к Ламбету. Они пересекли набережную, подошли к широкому каменному парапету и, облокотившись на него, закурили, задумчиво глядя на блестящую гладь воды и темные силуэты неподвижных буксиров. Мелкие волны ритмично бились о борта пришвартованных катеров, а легкий ночной ветерок гнал над Темзой приторный запах гари.

Все случилось будто бы одновременно: адский скрежет и рев наверху, тяжелый удар об асфальт, когда их с капитаном швырнуло лицом на землю, и обвальный грохот падающих обломков, с диким лязгом исчезающих в облаке пыли.

Эти доли секунды показались ему целой вечностью. За них он успел почувствовать, как смыкается вокруг него липкий круг нестерпимого, смертельного ужаса и вместе с ним растет мучительное желание скорее узнать обо всем. Они вскочили и бросились к входу в подвал. Перед ними стоял уродливый остов дома без перекрытий и дверей, без звонков и без лестниц. Тяжелое семиэтажное здание за какие-то мгновения стало грудой жутких дымящихся развалин и теперь чернело в тумане как огромный потухший погребальный костер.

Внезапно весь мир причудливо исказился и нелепо сместился куда-то. Он ничего не мог понять: незнакомые

лица казались знакомыми, а привратник, с которым он часто беседовал, возвращаясь вечерами домой, был теперь неузнаваемо чужим и далеким. Ничто больше не имело значения, только слишком уж медленно работала бригада спасателей. Разве они не знают, что каждая минута сейчас на счету? Ведь там, под обломками, осталась Мэригольд, и они просто обязаны спасти ее. Но минуты тянулись, словно часы, какие-то люди задавали ему вопросы, а из белых букв на их шлемах складывались не имеющие смысла слова. Приехали машины скорой помощи, и на мостовую опустили носилки с подушками и одеялами. Опять зазвучал отбой. Будто теперь это имело хоть какое-то значение.

Он говорил о чем-то с незнакомыми людьми, потом кто-то предложил ему бренди, и он молился, как не молился еще никогда, призывая на помощь Провидение, предлагая Богу все, чем он обладал, в обмен на живую Мэригольд.

Наконец толпа подалась в сторону, и вынесли первые носилки. Доктор склонился над ними, а две молоденькие медсестры стали тихо перешептываться о чем-то друг с другом. Он подошел и почувствовал, что ноги его безвольно подкашиваются.

На носилках лежала Мэригольд. Мертвая. Ни на лице, ни на одежде крови не было видно. А рука все еще судорожно сжимала одеяло. Он наклонился, поцеловал ее волосы и тихо позвал по имени.

— Убита ударной волной,— сказал врач.

Скорая помощь подъехала ближе, и носилки поставили внутрь. Потом он увидел, как врач подходит к следующей жертве. Безразлично проводив его взглядом, он узнал в лежавшей девушке с красным шарфом. Ему показалось, что вся краска с ее шарфа перешла на лицо, вспыхнувшее алым огнем, когда его осветили фонариком.

Девушка открыла глаза и закричала от боли. Он нагнулся, взял ее за руку, и тонкие бледные пальцы крепко сжали его запястье. Она кричала, как ребенок, которому очень больно.

— Она одна осталась в живых,— услышал он чей-то голос.

Потом подождал, пока носилки внесли в машину. Но когда он увидел, что их уже укрепили и задернули занавески, то зачем-то вскочил в салон. Сопровождающие сочувственно улыбнулись ему.

— Все будет в порядке,— сказала медсестра, приняв его, очевидно, за мужа. Все остальное уже не имело для

него никакого значения. Он долго ждал в холодном вестибюле больницы, и наконец ему сказали, что она будет жить. Тогда он узнал ее имя и адрес. Из больницы он ушел уже утром. В сером свете зарождающегося дня он заметил необычайно яркую машину молочника. Пора идти домой и ложиться спать. Ему еще надо закончить картину, а день обещает быть солнечным, и света будет достаточно.

Он подошел к набережной и тут только вспомнил, что его дома больше нет, а Мэригольд умерла. У него никого не осталось. И жить теперь больше незачем.

Человек находит себе меблированную комнату, человек покупает необходимые мелочи, сигареты, идет в универмаг и выбирает себе халат и рубашки, потом запасается масляными красками, кистями и холстом. Он делает это с помощью той части разума, которая никогда не страдает ни от каких несчастий. Потому что гораздо легче жить с разбитым сердцем, чем без любимых привычек. И лишь потом, когда он возвращается в свою комнату и разводит в камине огонь, хотя на улице еще очень жарко, когда он остается наедине с собой, — только тогда он как искалеченный и больной зверь начинает зализывать свои раны и прислушивается к голосу опустошенной души.

Друзья не знали, где он поселился. Он переписывался с родителями Мэригольд, но не встречался с ними. Ее похоронили в фамильном склепе на старом лондонском кладбище, где вокруг могил вечно прыгают веселые раскормленные воробьи.

Он много раз пытался нарисовать ее по памяти, но не мог.

Примерно через три месяца после смерти Мэригольд он случайно встретил ту самую чешку на Кингс-роуд. Она по-прежнему носила свой красный шарфик, повязав его на голову. Когда он заговорил с ней, она его не узнала.

Потом они встретились еще раз. Он попросил ее позировать для него, и она согласилась. У нее было очень мало друзей в Англии.

Она снова и снова внимательно слушала его рассказы о том, как погибла Мэригольд. И вскоре стала единственным человеком, которому он мог все рассказать. И она не сердилась на него за то, что он подолгу и так подробно говорил об одном и том же.

Он нарисовал ее в красном шарфе, который контрастно оттенял бледность кожи и удачно гармонировал с ее алыми губами. Время от времени он оставлял кисть и начинал рассказывать о Мэригольд, а потом вновь обращался к холсту и с увлечением трудился.

Работа над портретом заняла целый месяц. На одном из последних сеансов она сказала, что очень устала и ей холодно. Окно было открыто, а огонь в камине совсем погас.

— У меня уже руки, как лед,— сказала она.

Он взял ее руки в свои — совсем как тогда, когда ее вынесли на носилках из-под обломков разрушенного дома. И она обхватила своими тонкими пальцами его запястья. Он поцеловал ее, и она осталась у него ночевать. Раньше она никого не любила. А теперь стала принадлежать ему и оказалась неожиданно страстной. Больше она к себе не вернулась. Ему нравились ее молчаливость и способность испытывать сильные эмоции. Они жили теперь друг для друга, и через два месяца она объявила, что скоро у них будет ребенок. Ему было приятно и одновременно почему-то немного боязно. Они сразу же поженились, и она перенесла к нему свои вещи: столовое серебро, книги, украшения — все, что успела накопить за время своей эмиграции.

Он не мог ни минуты вынести ее отсутствия и поэтому ходил вместе с ней за покупками, а вечерами брал ее с собой в парк, когда ему хотелось отдохнуть после работы. Когда он рисовал, она сидела на полу у огня, тихая и серьезная. А по ночам, во время бомбёжек, он крепко сжимал ее в своих объятиях.

Как-то раз, уже после свадьбы, он опять завел разговор о Мэригольд и показал новой жене ее портреты, которые во время трагедии были как раз в багетной мастерской и поэтому уцелели.

Она посмотрела на них прищуренными глазами и долго еще молчала. Когда же она заговорила опять, ее голос стал неожиданно твердым и резким, хотя и негромким.

— Нельзя жертвовать живыми во имя мертвых,— сказала она.— Теперь у тебя есть я, и скоро будет ребенок. Давай больше не говорить о ней. Она — прошлое. Те, кто умирает,— либо счастливчики, либо глупцы. Но в любом случае им не следует вмешиваться в нашу жизнь. Поэтому все это надо сжечь.

Она осторожно положила рисунки в огонь, и он долго смотрел, как они обугливаются, скручиваются и превращаются в прах.

Для него теперь важно было только одно: чтобы она не умерла во время родов, но об этом он ей никогда не говорил.

Она не умерла, и он много часов провел рядом с ней и видел, как она мучилась и стонала, а он ничем не мог ей помочь, выглядывая из-за спин врача и акушерки.

Но все обошлось, и родилась девочка. Словно гора свалилась с его плеч и счастье переполнило сердце. Он нежно обнял жену и горячо поблагодарил бога. А она, бледная и изможденная, даже не пыталась ничего сказать, а только улыбнулась, прижалась к нему и обхватила пальцами его запястье.

Они купили малышке старинную дубовую люльку, розовую подушку и крошечное розовое одеяльце — не больше носового платка. И теперь, отрываясь от холста, он часто поглядывал на маленькое милое лицо, улыбающееся во сне. Когда он заканчивал работу, то садился рядом с женой и, обхватив ее за плечи, вместе с ней наблюдал за их крошкой с чувством радости и гордости за себя.

— Я сегодня слышала ужасную весть, — сказала она как-то вечером, когда они по своему обыкновению сидели вместе на полу у камина. — Вчера разбомбили одно старое кладбище. Бомбы попали прямо в могилы и большинство мертвецов взлетело в воздух. После налета повсюду были сплошные скелеты: на земле, на деревьях, на телеграфных столбах. Наверное, такого кошмара даже сам Данте не смог бы вообразить.

Внутри у него что-то сразу же сжалось, и он почувствовал, как невидимая ледяная рука вцепилась ему в горло.

— Какое кладбище? — еле слышно выговорил он.

Она подняла брови и безразлично пожала плечами.

— Не знаю. Где-то на севере Лондона.

На какую-то долю секунды перед его глазами предстала четкая картина этого ужаса. Он увидел тело Мэри-гольд, висящее на голых ветвях дерева. Ее некогда такое родное тело, а теперь изуродованное, полусгнившее, чудовищное, но все же еще узнаваемое...

Он содрогнулся и постарался выкинуть из головы это жуткое зрелище.

Это случилось недели через две.

Ему надо было срочно заказать в мастерской раму, а

она в это время как раз побежала за покупками, чтобы побыстрее все сделать и не оставлять надолго малышку одну.

Он вернулся первым и, распахнув дверь, увидел у детской кроватки девушку в желтом ситцевом платье. Она молча смотрела на ребенка. Когда он вошел, девушка оглянулась.

— Мэригольд! — в ужасе вскрикнул он.

Шляпки на ней не было. Золотистые волосы мягко спадали на плечи, а лицо было бледным и изможденным.

— Что... что произошло? — Он почти не услышал свой голос.

— Пару недель назад, — мрачно произнесла она, — наше кладбище попало под прямой обстрел. Трупы, скелеты — все было выброшено на поверхность. — Тут она запнулась. — Но я к счастью еще не была мертва... На самом-то деле люди вообще не умирают по-настоящему. — Она снова замолчала и ее всю передернуло. — Потом я долго искала тебя. Вот узнала твой адрес и пришла... — Она отчаянным жестом обвела рукой вокруг себя — комнату, малышку в кроватке, цветы в вазе, незаконченный портрет новой жены. — И все это произошло меньше чем через год! — с болью в голосе закончила Мэригольд. Она снова огляделась, в глазах ее светилось отчаяние, и он понял, что она пытается отыскать что-то знакомое, что-нибудь такое, что раньше принадлежало им, ей...

— Ты любишь ее? — наконец спросила Мэригольд.

Он с опаской взглянул на дверь. Она может вернуться в любую минуту. Он представил себе, как она входит сюда с покупками и бутылочкой молока. Нет, она ничего не скажет, но она посмотрит на него своими горящими, полными любви глазами, и улыбнется, не раскрывая губ.

— Да, — честно сказал он. — Я люблю ее.

Он с болью и страхом смотрел на эту несчастную девушку в желтом платье. Он видел ее одиночество, ее ужас и молил Всевышнего, чтобы тот послал ему смерть и избавил от этого кошмара.

Его дочь улыбалась, играя ручками. Локон светлых волос упал ей на лоб. И эти волосы пахли папоротником...

Голова закружилась, и в ушах у него зашумело. Он ничего не мог ни сказать, ни сделать.

И тут вдруг послышались шаги в коридоре... С отчаянием и непонятной легкостью он рванулся к двери и широко распахнул ее.

Его жена вошла в комнату, нагруженная свертками и пакетами. В руке она держала бутылочку с молоком.

— Милый,— сказала она,— у меня было так много покупок, что я не успела взять тебе сигарет. А что тут произошло? — вдруг спросила она и вся задрожала.— Здесь так холодно! Как зимой.

Потом с тревогой посмотрела на него.

— В чем дело, дорогой? С девочкой все в порядке? — Крошка довольно закряхтела, как только мать склонилась над кроваткой.— Сходи, пожалуйста, за сигаретами сам, а я пока подготовлю поесть.

Ему очень нужен был сейчас свежий воздух, люди, шум улицы. Торопливо выйдя за дверь, он чуть не сбил с ног уборщицу, которая мыла лестницу.

— Вы не видели здесь молодую леди — белокурую, в желтом платье? Она не спускалась вниз? — спросил он.

Пожилая женщина выжала тряпку, повесила ее на край ведра и только потом ответила:

— Леди в желтом платье поднялась наверх несколько минут назад. Я ее видела здесь и раньше, два или три раза. Я думала, она ходит к вам, ведь ваши соседи уехали, и их квартира все время заперта.

— А вы не видели, как она спускается вниз?

— Нет, сэр.

— Она разговаривала с вами?

— Нет. Просто прошла наверх и даже не ответила мне, когда я сказала ей, что неожиданно сильно похолодало.— Она вытерла рукой взмокший лоб.— А теперь опять стало жарко. Смешно! В такой теплый день то вдруг холодно становится, то опять жара... Что-то странное происходит...

— Странное? — переспросил он, и чувство страха вновь накрыло его липкой удушливой волной. Уборщица взяла тряпку, окунула ее в грязную воду и неторопливо отжала.

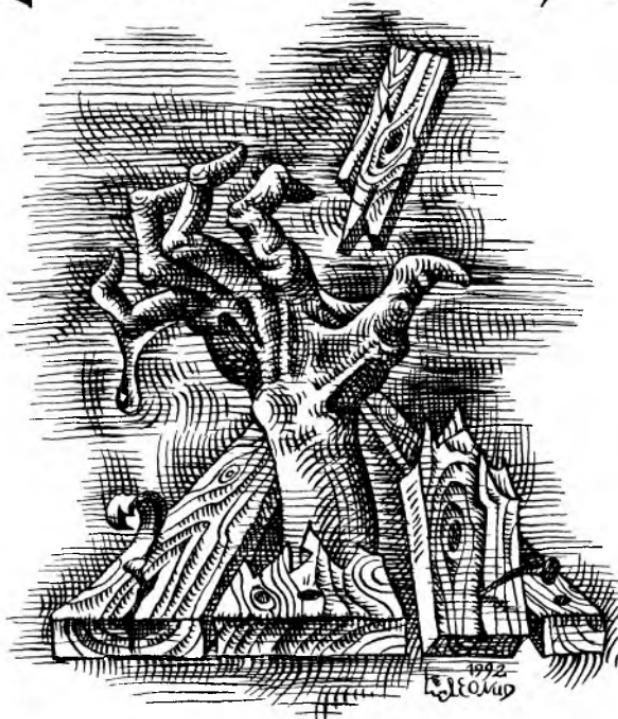
— Даже очень странное, я бы сказала. Говорят, это из-за какого-то нового оружия Гитлера.

Когда он вышел на улицу, воздух был сухой и горячий. Старичок-газетчик улыбнулся, завидев его. Девушка в табачной лавке, давая ему сдачу, спросила, как себя чувствует их малышка. Все было таким простым и естественным...

Все, кроме того жуткого и необъяснимого, что, как он с ужасом осознал, и являлось в этом мире настоящей реальностью...

ФИДЕН·ХЬЮГЕ

АШАДА

огда я еще был директором частной психиатрической клиники Эпплсет, у нас лежал один интересный пациент, причем так долго, что со временем стал как бы частью самой клиники. Он был очень спокойный и не доставлял персоналу никаких хлопот, чем выгодно отличался от многих других. Из документов следовало, что он находится у нас добровольно и за лечение платит сам. У него не было близких родственников, никто не навещал его, и интересовались им только врачи — физиологи и психиатры, для которых он представлял занятный объект для исследований.

Перед тем как попасть в больницу, он был пастором в маленькой деревеньке, и его знали разве что немногочисленные прихожане. У нас же он сразу стал популярен среди врачей, хотя сам этого, наверное, и не подозревал. Дело в том, что этот человек никогда не спал.

Впрочем, каждую ночь он пытался расслабиться, ложился в постель и нередко проводил долгие часы за чтением. Первое время он старался заснуть, раздевался, выключал свет и терпеливо лежал на кровати, но уже через пять минут вскакивал с таким бодрым видом, будто проспал целую ночь. Потом он оставил эти тщетные

попытки и по ночам занимался своими делами точно так же, как днем.

Мы не видели необходимости препятствовать его круглосуточной добровольной работе, и поэтому по его просьбе даже вынесли из палаты кровать. По ночам он не только читал, но и много писал, однако эти бесчисленные исписанные листки никогда никому не показывал. Временами у него начинались обострения: он становился мрачным и замкнутым, а потом исчезал из больницы, обычно ночью. Из года в год это происходило в одну и ту же пору — в середине октября, и каждый раз его находили в одном и том же месте — на кладбище ближайшей деревни Эпплсет. Мы связывали это с тем, что он все еще помнил о своей бывшей профессии, но истинные причины прояснились лишь после его смерти. Бедняга умер рано, на сороковом году жизни. Очевидно, постоянная бессонница, как бы ни была она интересна для врачей, истощала его организм и преждевременно состарила ткани, хотя надо сказать, что он был чрезвычайно сильным и крупным мужчиной. В молодости он наверняка выделялся среди сверстников своим могучим сложением, и я благодарил бога за то, что он наделил этого атлета таким кротким нравом. Просто невозможно было представить, как бы с ним справились санитары, если бы он вдруг начал буйствовать. Но этого не случалось, и все мы были искренне огорчены, узнав о его безвременной смерти. Среди его вещей, которые принесли мне в кабинет после похорон, был большой пакет с исписанными листками. На пакете рядом с моим именем красивым ровным почерком были выведены слова: «Вскрыть после моей смерти». Ниже я передаю весь этот текст без изменений, как прочитал его в то хмурое ноябрьское утро.

Я был викарием в церкви святой Эльфы в деревне Смеритон, и жилось мне там превосходно. И счастье мое было бы совсем полным, если бы не один человек — деревенский староста, отставной адмирал сэр Энтони Вилперт. Между нами сразу же возникла какая-то патологическая антипатия. Мы просто ненавидели друг друга без всяких на то

видимых причин. Меня тошнило от одного его внешнего вида. Это был худощавый мужчина со светло-голубыми глазами, белесыми усиками и жидкой заостренной бородкой. Я даже называл его про себя «беленький козлик» — такой он был тщедушный и бледный. Когда он говорил, голос его походил не на мощный рокот моряка, а скорее на козлиное блеяние, и трудно даже выразить, какое отвращение он во мне вызывал. Мы ссорились и ругались по любому поводу. А вскоре мне стало известно, что за моей спиной он говорит про меня всякие гадости прихожанам, постоянно отравляя их умы самой гнусной и бесцеремонной клеветой. Особенно сильно его речи действовали на молодежь, и мне стоило огромных усилий оградить свое имя от грязных сплетен и подозрений.

Я стал буквально одержим этой ненавистью. Я все время думал о нем, и мысли эти были недопустимо кровожадными. Сидя у себя в кабинете, я постоянно видел перед собой его отвратительный образ, а в церкви, во время службы, мне приходилось даже опускать глаза, чтобы не встретиться с ним взглядом и не сбиться с молитвы. В его глазах я читал горячее желание причинить мне любое зло, на которое только способен человек, и от этого взгляда становилось не по себе. Я впал в грех, потому что каждый день мысленно убивал его, и когда после этого я читал вслух Святое Писание, мне казалось, что прихожане знают об этом и смотрят на меня с осуждением. И еще мне казалось, что он читает мои мысли, а потом нагло и презрительно ухмыляется, глядя мне прямо в глаза.

И вот однажды мне домой принесли записку, в которой сообщалось, что он серьезно заболел. В душе моей блеснула искра надежды. Я собрался и отправился к нему, но, слава богу, он умер раньше, чем я успел переступить порог его дома. Неслыханная радость охватила меня. Никогда в жизни я еще не чувствовал себя настолько счастливым.

Наступил день похорон, и я встретил траурную процессию у ворот морга. Но, проходя мимо закрытого гроба к дверям церкви, я услышал вдруг слабое, едва различимое

постукивание. Кровь застыла у меня в жилах, когда я понял, что этот звук доносится из гроба. Но я тут же отбросил эту страшную мысль и, собрав всю свою волю в кулак, прошел мимо. Этого просто не может быть. Все это — мое больное воображение. Это обычный шум в голове, а может быть — эхо ненависти. Когда гроб медленно несли к алтарю, я вновь услышал тот же тихий звук. Потом еще раз. И еще. Теперь уже сомнений быть не могло. Я ждал, что носильщики тоже услышат этот стук, и кто-нибудь поднимет тревогу. Тогда они опустят гроб и прямо здесь, в церкви, откроют его... Но ничего подобного не произошло, а я снова отчетливо услышал этот зловещий приглушенный стук, будто бы где-то вдалеке бил большой барабан. Ноги мои подкосились, и если бы я не прислонился к стене, то наверняка потерял бы сознание. Страшная истина открылась мне — Вилперт жив, но только я один слышу его слабые просьбы о помощи.

Не могу передать свое тогдашнее душевное состояние. Меня охватило страшное чувство безграничной власти над ним: вот он лежит, такой беспомощный, в этом гробу, а я здесь, сейчас, могу стать его убийцей. И меня никогда не найдут. Мысли дьявольским огнем обжигали мой мозг. Я столько раз уже мысленно убивал его, а теперь могу сделать это по-настоящему, и для этого ничего даже не придется предпринимать. Он сейчас — пленник моих ушей, и его спасение зависит только от моего языка.

Все его оскорблений, вся клевета и ненависть ко мне — все это крепким замком смыкало мои уста и не позволяло произнести ни слова. Мне даже показалось, что я, будто сквозь плотный туман, вижу его в этом гробу, как если бы крышка гроба была сделана из толстого стекла: бледное перепуганное лицо, округлившиеся от ужаса глаза, умоляющие меня о помиловании. И едва сдерживая свою ненависть и злорадство, я отверг эту мольбу о помощи и предал его самой страшной смерти — погребению заживо. Он должен был соединиться с мертвыми еще при жизни и живым войти в адскую темноту вечности.

Однако через какое-то время здравый смысл вернулся ко мне, и я подумал, что если никто кроме меня не слышит этого стука, значит, он — всего лишь плод моего воображения.

Я спокойно и твердо продолжал исполнять свои обязанности, а потом молча наблюдал, как гроб опустили в могилу. День был сырой и холодный. Осенний туман окутывал кладбище, навевая печальные мысли о смерти. Комья земли с глухим стуком падали на крышку гроба, и могло показаться, что это мы отвечаем ему снаружи на его отчаянные призывы. И он, будто услышав этот ответный звук, на мгновение окрылился новой надеждой, и удары изнутри стали громче и чаще. И я опять усомнился. Господи, неужели никто не слышит? Я быстро оглядел окружающих, но тут же опустил глаза из боязни выдать свое волнение. Все это было похоже на какой-то страшный заговор... Но вот сигналы из гроба начали затихать. Последний раз я услышал стук, когда он был совсем уже слабым и стал смеиваться с мягкими ударами падающей земли.

Я повернулся и пошел мимо плачущих родственников по направлению к церкви. В тишине своего кабинета я прописал до тех пор, пока за окном не начали сгущаться сумерки. Тогда я встал, чтобы задернуть занавески, и мимоходом посмотрел на потемневший кладбищенский двор. Страшные мысли терзали меня. Я продолжал жить, но какая-то неимоверная тяжесть лежала на моем сердце. Я выпил чаю, написал несколько писем, и все это время мне казалось, будто это уже не я, а кто-то совсем другой. Мне чудилось, что внутри моего существа ждет своего часа туго скрученная пружина. Я лег рано, в десятом часу, но к этому времени в доме было совсем уже тихо. Моя экономка в тот вечер отпросилась к родственникам в соседнюю деревню. Я запер входную дверь и поднялся наверх. Устроившись поудобней в постели, я какое-то время читал, а потом незаметно заснул. Но вскоре проснулся с ощущением, что проспал уже много часов. Я сел на кровати и посмотрел на часы. Прошло всего десять минут, но я твердо знал, что больше заснуть не смогу. Пружина развернулась. Я снова лег и долго лежал в темноте, будто

ждал, что кто-то придет, или что-то должно произойти. Потом я услышал, как пробили часы на церкви, и сразу же понял, что мне надо делать. Я встал и оделся. То, что мне предстояло совершить, я должен был сделать сам, один. Никакой помощи не следовало искать. Я должен был лично узнать всю истину, и никто не мог мне в этом помочь.

Я спустился вниз, открыл черный ход и вышел в прохладную сырую ночь. Было тихо и очень темно. Я подошел к сарайчику, где церковный сторож хранил свои инструменты, включил свет, взял лопату и зашагал к свежей могиле под деревьями. В то время я был молодым и сильным, а в запасе оставалась еще целая ночь. Зловещую тишину кладбища нарушал лишь звук капель, изредка падающих с мокрых листьев. В темноте я едва различал контуры церкви, но немного привыкнув, поставил на землю лампу, захваченную из дома, снял пальто и принялся раскапывать землю, укрывшую гроб с «беленским козликом». Если я ошибся, то должен удостовериться в этом, чтобы жить дальше спокойно. А если ошибки не было, то надо быстрее исправить зло, и тогда это будет очень странная встреча двух заклятых врагов: один — живой в гробу, а другой — в роли могильщика.

Несмотря на ночную прохладу, вскоре я начал обливаться потом, и мне пришлось снять жилетку, а потом и рубашку. Каждый раз, когда били часы, я испуганно вздрагивал. Мне казалось, что они внимательно наблюдают за моей ужасной работой. Кучи земли вырастали по обе стороны вскрытой могилы, а я опускался все ниже и ниже в яму. Наконец лопата ударила о крышку гроба. Я очистил ее от земли, отбросил лопату в сторону и решил немного передохнуть, чтобы собраться с силами перед самым страшным моментом. Ночь окутывала меня густой чернотой, и я подумал, что весь мир сейчас стал походить на могилу. Вскоре я понял, что одному мне открыть гроб будет очень непросто. Но все же мне удалось открутить винты и, используя лопату в качестве рычага, я наконец свернул крышку в сторону. Потом взял лампу и осветил то, что находилось в гробу. Там лежал мой враг — чело-

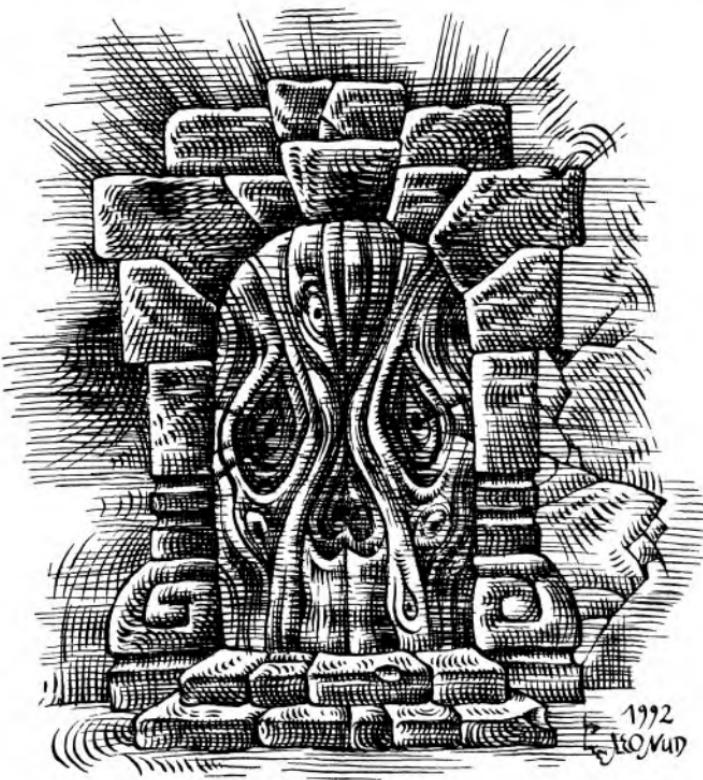
век, которого я так ненавидел. Тусклые желтые лучи упали на его лицо. Странные чувства охватили меня. В этот момент я до конца осознал, какая на самом деле смерть: черная, молчаливая, таинственная, и в то же время поразительно глупая. И меня начал разбирать смех. Я был не в силах сдержать его, но и не хотел смеяться в присутствии покойника. Я выкарабкался из могилы и уже там, на поверхности, изо всех сил рассмеялся, словно вся скопившаяся во мне за долгие годы ненависть в этот миг выплыла наружу.

Никогда еще я не работал с такой скоростью и усердием. Какой-то нечеловеческий порыв охватил меня, когда я засыпал могилу. И все это время я безудержно хохотал, пока у меня не закололо в боку. Как же я все-таки ошибся!..

«Беленький козлик» был мертв, но в гробу он лежал на животе.

ВЕТЕР • ХОЛАНД

ВЕТЕР ХОЛАНД

М

ночь больше всего ей мечталось лишь о камине и чашке горячего чая. Маргарет была весьма практичной девушкой. С детства ей приходилось самой зарабатывать себе на жизнь, искать работу, а найдя ее, заботиться о том, чтобы ее не прогнали. У девушки было довольно слабое здоровье, и очень скоро она поняла, как непросто ей будет убеждать людей, что она изо всех сил старается честно отрабатывать свои деньги.

Когда от нее ушел Дик, жизнь стала совсем невыносимой. Прежде Маргарет надеялась, что рано или поздно они поженятся. Когда-то он по-настоящему любил ее, а она продолжала любить его и сейчас. Но теперь все было кончено, и он больше никогда не вернется. Шесть месяцев она ждала, что Дик передумает, и в это время подрабатывала секретаршей в одном закрытом учреждении. Но ожидания не оправдались, и это повергло ее в полное отчаяние, окончательно подорвав силы. Ей даже пришлось обра-

тина то и дело останавливалась перед заборами частных владений, водитель сигналил, и из маленьких дворовых построек высекали темные фигуры и торопливо открывали ворота. Потом дорога повела через нескончаемые леса и пастбища. Наверное, днем здесь очень красиво, думала Маргарет, однако в эту холодную зимнюю

титься к врачу, и он честно посоветовал: «Вам срочно необходим отдых. Езжайте домой и какое-то время просто бездельничайте». Но Маргарет только грустно усмехнулась. У нее не было ни одного живого родственника, и никому не было дела, умрет она или нет.

— Ну хорошо,— добавил доктор.— Если уж вам так необходимо работать, то найдите себе работу где-нибудь за городом. Вам надо как можно больше находиться на свежем воздухе.

Именно поэтому она и ответила на объявление леди Фаррел, которой нужен был секретарь, а точнее — девушка для присмотра за ее загородным домом во время отсутствия хозяйки. Когда на ее письмо с предложением пришел положительный ответ, Маргарет не поверила своим глазам. Наконец-то у нее появилась долгожданная возможность уехать из города, где все напоминает о Дике, восстановить свои силы и, возможно, получить постоянную работу.

Леди Фаррел объяснила, что в поместье всегда очень тихо, хотя здесь работает огромное количество слуг. За домом надлежит ухаживать самым тщательным образом. Но особенно ее интересовали родственники Маргарет. Сколько их, не будут ли они волноваться за нее, ведь здесь так скучно и одиноко. Когда девушка объяснила, что родных у нее нет и она совсем одна в этом мире, хозяйка осталась весьма довольна этим обстоятельством.

— Бедное дитя! — воскликнула она и взяла Маргарет за руку.— Я уверена, что мы с вами поладим. Вот увидите — очень скоро мы искренне полюбим друг друга.

Потом она объяснила, зачем так часто ездит за границу.

— Полгода я провожу вдали отсюда по состоянию своего здоровья. И мне необходим человек, который следил бы за домом, пока меня нет. Конечно, слуги и сами прекрасно справляются со своими обязанностями, но мне все же хотелось бы, чтобы во главе их стояла добропорядочная леди. Об одном я должна вас предупредить, хотя думаю, что с этим проблем у нас не возникнет: я не разрешаю никого приводить в дом во время моего отсутствия.

Леди Фаррел была очень старой, а история ее рода восходила еще ко временам саксонских викингов. Одевалась она подчеркнуто старомодно и когда появлялась в Лондоне, то каждый раз производила сенсацию. Ее загородное владение насчитывало сотни акров земли, и она лелеяла его, как родное дитя. Леди Фаррел была последней в своем древнем роду, и после ее смерти дом предстояло продать. В прежние времена многие члены ее семьи проигрывали в карты целые состояния, и часть поместья приходилось отдавать в качестве долга. Один из предков разорил прекрасную библиотеку и продал часть бесценной старинной мебели. В округе существовала легенда, будто каменные волки, сидящие на террасе, жалобно выли, когда из дома выносили его сокровища. И леди Фаррел всякий раз с такой горечью вспоминала об этом, будто речь шла об обиде, нанесенной ее любимому ребенку.

— Мои предки вели себя, как настоящие варвары. Они буквально разграбили этот дом, такой беспомощный и беззащитный перед ними. Представить себе не могу, что, когда я умру, его продадут совершенно чужим людям, которые не смогут ни толком позаботиться о нем, ни понять его до конца. Эта мысль просто сводит меня с ума. И поэтому я часто уезжаю лечиться за границу. Я ведь должна жить как можно дольше, чтобы беречь и защищать его.

Маргарет поняла, что ей предстоит исполнять роль сторожевой собаки, хотя леди Фаррел утверждала, что в ее отсутствие за домом приглядывают многочисленные слуги, которые работают здесь уже много лет и прекрасно знают свое дело. Но все равно нельзя оставлять дом без присмотра ни на один день. Маргарет просто должна проверять, чтобы все было в полном порядке, и она сразу же пообещала неукоснительно делать это. Девушка любила старину, хотя в Лондоне эта страсть ей так и не пригодилась. Теперь же она с удовольствием думала, как приятно будет бродить по этим нескончаемым анфиладам комнат, ни в одной из которых она не встретит ничего такого, что напомнило бы ей о Дике. Она уже мечтала о том, как будет с любовью рассматривать старинное оружие, доспехи и знамена, с которыми предки леди Фаррел сражались про-

тив нормандцев, йоркцев и круглоголовых. С незапамятных времен это поместье служило надежной преградой на пути захватчиков, немало крови пролилось здесь за эти века. Очень многие сложили свои головы, обороняя этот дом, и покрыли себя немеркнущей славой победителей. И Маргарет решила тщательно изучить всю историю этого стариинного поместья. Как все-таки здорово жить рядом с прошлым!.. Но, рассказав о своих намерениях леди Фаррел, она была разочарована. Как оказалось, некоторые вещи здесь были запрещены.

— Еще не время, милая,— говорила старая хозяйка, ласково поглаживая девушку по руке.— Я понимаю, что вам очень хочется попасть в библиотеку, но мы должны еще подготовиться.

«К чему подготовиться?» — не поняла Маргарет. Наверное, леди Фаррел никому не доверяет свои стариинные рукописи. В конце концов, эта девушка для нее — совершенно посторонний человек. Надо будет с большой осторожностью относиться ко всем прихотям и капризам хозяйки. Интересно, а за что она увольняла предыдущих секретарей? Ведь из некоторых разговоров Маргарет поняла, что у нее было немало предшественниц. Наверное, им просто надоедало одиночество сельской жизни. Конечно, здесь довольно тоскливо, но все же лучше, чем в городе, где на каждой улице преследуют воспоминания о Дике.

Как только Маргарет добралась в ту ночь до усадьбы, ее сразу же проводили в огромную гостиную. Леди Фаррел сидела на маленьком стариинном диванчике перед бушующим пламенем камина. Тепло огня и крепкий чай вскоре привели девушку в бодрое состояние духа, и впервые за долгие месяцы ей опять показалось, что теперь она будет совершенно счастлива. Ей даже стало немного жаль эту хрупкую старушку, кажущуюся такой беспомощной в этом громадном замке. Дом и в самом деле был необычайно велик, и в его архитектуре причудливо сочетались самые разные стили. В главном, самом большом зале, висели стариинные рыцарские доспехи и боевые знамена. А в соседних комнатах можно было увидеть столько древних реликвий,

что казалось, будто находишься в музее, посвященном военным походам против иноземцев.

Но, как ни странно, несмотря на чистоту и простор, в доме почему-то было очень тревожно. Маргарет сразу почувствовала это на себе. Как только она вошла в большой зал, ей показалось, что из темноты на нее пахнуло какой-то враждебностью. Будучи натурой тонкой и чувствительной, она не могла не заметить этого. Дом будто бы сопротивлялся ее присутствию. Наверное, он вообще был против любых новичков. Высокие мрачные стены смотрели хмуро и недружелюбно. А входя в главный зал, Маргарет ощущала нечто вообще очень странное. Ей почудилось, что она находится внутри огромного часового механизма. Казалось, будто откуда-то издалека доносится мощное биение пульса какого-то чудовищного организма — приглушенно, но все же вполне различимо. Наверное, это работал какой-нибудь агрегат, поставляющий электричество или качающий воду. Скоро она привыкла к этому звуку и перестала обращать на него внимание, как привыкают к звуку метронома или тиканью каминных часов. Но чувство острой враждебности дома не проходило. Это чувство усиливалось еще и первым впечатлением о доме, которое Маргарет получила, подъезжая к нему на машине. В тот поздний час света в верхних окнах уже не было, а горели только тусклые фонари у порога, походившие на узкие глаза-щелочки — зловещие красные глаза, хищно глядящие в огромный парк, окутанный темнотой ночи.

Зрелище было не из приятных. Все здание будто бы сжалось в комок, как зверь перед прыжком. Маргарет вздрогнула, подумав об этом. А когда она вошла в дом, ей почему-то сразу же показалось, что он живой. Но через несколько дней она успокоилась и считала, что все это почудилось ей с непривычки. Ведь раньше ей никогда не приходило видеть ни таких больших комнат, ни полной гармонии огромного дома с людьми. Весь уклад жизни здесь напоминал какой-то нескончаемый ритуал. Прекрасно обученные слуги каждый день будто бы состязались друг с другом в своем искусстве доводить комнаты до совершенства. Они были буквально помешаны на чистоте. А Маргарет не могла найти себе никакого занятия. Целыми

днями она вместе с хозяйкой занималась составлением каталогов различных картин и реликвий. Хотя с этим вполне мог бы справиться и любой лакей. Ей уже начинало казаться, что леди Фаррел специально придумала это занятие, чтобы только не оставлять ее совсем без дела. Каждый день из многочисленных ящиков доставали старинные gobелены и выколачивали их, стирали кружевные занавески, чтобы потом вновь сложить их и убрать в шкафы. У девушки не было возможности самостоятельно осматривать дом — везде за ней следовала хозяйка и сама все показывала. Она очень гордилась своими владениями, но слуги работали здесь с таким усердием не из-за любви к чистоте и порядку, а как бы поклоняясь некоему божеству. И работа эта ни на минуту не прекращалась. В комнатах ежедневно меняли цветы, натирали пол и пылесосили мебель, стараясь при этом делать все как можно тише, чтобы не потревожить покой этого каменного исполина.

За день до отъезда хозяйки Маргарет зашла в бильярдную. С блокнотом и ручкой в руках она обходила все комнаты и переписывала висящие на стенах портреты. Здесь ее ждали сэр Уолтер Рейли и леди Катерина Грей у камина. Больше картин в комнате не было, и это показалось Маргарет довольно странным. Лица на портретах были какими-то злыми и недружелюбными. Она прошла по паркету к окну и сама удивилась, как неестественно громко зазвучали вдруг ее легкие шаги. Ей показалось, что она находится сейчас в чреве громадного зверя и рано или поздно будет переварена его могучим организмом. Она здесь чужая. Вот почему ей настолько не по себе в этом доме. Ведь все здешние слуги и сама леди Фаррел обожают и боготворят его. И вместе они составляют как бы единый организм. А она — пришелец извне. Может быть, поэтому появляется такое ощущение, будто сам дом ненавидит ее? Но как могут ненавидеть кирпичи и известка? Маргарет молча смотрела на стену. Это была одна из немногих стен, не покрытых деревянными панелями, а выкрашенных под цвет слоновой шкуры.

И вдруг словно ветерок прошел по стене, и она вся наморщилась, как лошадиная кожа, когда животное пытается отшркнуть с себя назойливую муху. Потом чуть

заметные волны пробежали по стене еще и еще раз. Маргарет испуганно вскрикнула и кинулась прочь из комнаты. Убираться отсюда, и как можно скорее! Дом живой. Теперь-то она знала это наверняка. Недаром, когда она просыпалась по утрам, каждый раз ей казалось, что она чувствует, будто дом шевелится и потягивается, подобно громадному зверю, очнувшемуся ото сна. Слуги приходили на работу гораздо позже, и Маргарет, лежа в кровати, с замиранием сердца слушала, как где-то вдалеке бьется его медленный пульс, и этот стук гулким эхом разносится по всем комнатам. Она рассказала о своих страхах хозяйке и сообщила, что хочет немедленно уехать, но старушка только горько расплакалась.

— Как?! Покинуть меня именно сейчас? Я едва успокоилась, что нашла наконец верного друга, который будет мне помогать... А теперь я не смогу уехать — мне некого оставить в доме. Ну я прошу вас, останьтесь, хотя бы до моего возвращения!

Маргарет пришлось уступить, и хозяйка долго благодарила ее за это.

— А потом вы посмотрите библиотеку, — пообещала она. — Вы пойдете туда, как только она к вам подготовится.

После отъезда леди Фаррел Маргарет пробовала полностью посвятить себя работе, но заняться было абсолютно нечем, а то, что она пыталась делать, казалось ей пустым и ненужным. Дом и так получал отменный ежедневный уход, и добавить к нему что-то было просто выше ее сил. За ним следили многочисленные вышколенные слуги, которые, подобно священникам у алтаря, день за днем совершали свои таинственные богослужения. Каждый день они без устали мыли и прибирали комнаты. Все работало, как хорошо отлаженный часовой механизм. Даже младшие служанки и лакеи работали так же старательно, как и старшие. Каждый день они чистили, подметали, скребли и полировали все, что попадалось им под руку. Проветривали постели, разбирали белье, начищали до блеска столовое серебро. И дом впитывал в себя их труд, как растение, высасывающее влагу из почвы. Но для чего все это было нужно? Ведь все равно никто, кроме самой Маргарет, не

мог оценить эту стерильную чистоту и идеальный порядок в шкафу или сверкающие медные заклепки на мебели. Не удивительно, что дом не воспринимал ее, как работницу: ей было здесь совершенно нечем заняться. Однажды, проверяя комнаты, Маргарет заметила, что леди Фаррел оставила на ее связке свой ключ от библиотеки.

— Да, это ключ от библиотеки, мисс,— подтвердила повариха, когда Маргарет решила в этом удостовериться.

— Наверное, леди Фаррел забыла снять его?

— Нет, хозяйка всегда оставляет ключи от всех комнат у секретаря,— с улыбкой заметила повариха и загадочным взглядом проводила девушку.

«Какое доверие!» — подумала Маргарет. Интересно, а другие секретари тоже исполняли волю старушки или же тайком все-таки наведывались в запретную комнату? Ей очень хотелось попасть в библиотеку. Будто бы кто-то звал ее оттуда, изнутри. Леди Фаррел говорила, что это — сердце дома. И без сомнения, в самом сердце она поймет причину такой враждебности дома по отношению к ней. Шли дни, и постепенно Маргарет стала смотреть на дом, как на идола, которому служат и поклоняются, и сразу все стало легко и понятно.

Каждодневный труд слуг перестал казаться ей бесполезным — ведь он продлевал жизнь этому божеству. Вполне естественно, что идол требовал поклонения и служения себе. Это был очень древний идол, мстительный и карающий за непослушание. И горе тому из жрецов, кто потерял свою веру или начал работать без прежней страсти. Теперь и Маргарет должна была занять свое место среди жрецов, чтобы хранить мир и спокойствие этого каменного божества. Но если не знать его требований и прихотей, очень трудно вести дела и следить за общим благополучием. Верховной жрицей здесь была, несомненно, сама леди Фаррел, а слуги, вычищающие грязь и сметающие пыль, выполняли роль экзорцистов, изгоняющих из доверенного им существа всякую нечисть. Однажды Маргарет, гуляя по лесу, нечаянно взглянула оттуда на дом. Он стоял, огромный и мрачный, на фоне холмов, окна еще спали, и тонкие струйки дыма поднимались из многочисленных труб. Сегодня она случайно рас-

копала в чемодане галстук, который когда-то давно покупала для Дика, но так и не успела ему подарить. Как раз тогда она поняла, что он ее больше не любит. А в лесу она хотела поскорее забыться. И вдруг осознала, что именно из-за этой любви, все еще терзающей ее сердце, она не может прижиться в доме, не чувствует его ритма и гармонии. Может быть, ее предшественницы тоже отказались полностью посвятить себя дому и поэтому вынуждены были уехать? И Маргарет в отчаянной мольбе простерла к каменному идолу руки.

— О дом! — громко призывала она.— Не надо меня так ненавидеть. Скажи, чего ты ждешь от меня?

Потом опустила руки и молча ждала, глядя на эту мрачную глыбу перед собой. И вдруг чей-то голос прошептал прямо в ее мозгу:

— Жертвы.

Жертвы — ну конечно же! Как она раньше об этом не подумала! Ведь идолы не могут существовать без жертв. Все молитвы без них бесполезны. И жертва обязательно должна прийти со стороны, жрецы не принимаются. Неужели дом хочет забрать ее жизнь? Может быть, он поэтому и рассердился так на нее, что она никак не хотела понять его желаний? Хочет ли он просто смять ее и уничтожить, как поступали все древние божества? Или она сама должна отдаться в руки своей страшной судьбы? Дом ждал ее. Маргарет вздрогнула. Ей стало страшно при мысли о том, что придется возвращаться через эти враждебные двери туда, где против нее уже повсюду расставлены невидимые щиты и ловушки.

Вдруг она услышала шаги за спиной. Ничего удивительного в этом не было — здесь постоянно работали садовники, которые сгребали старые листья и увозили их в огромных железных тачках. Но вместо садовника она увидала позади себя пожилого мужчину, одетого в черную рясу. Его маленькое желтое лицо покрывала густая паутина мелких морщинок. Мужчина приподнял свою шляпу и обнажил абсолютно лысую голову. Маргарет молча смотрела на незнакомца.

— Извините,— начал он.— Можно, я пройду с вами в дом и немного передохну? А то я очень устал.

— Но леди Фаррел уехала...

— Я знаю, но дело в том, что я ее старинный приятель. Я священник — ее духовник. Уверяю вас, она была бы не против.

Да, если он и в самом деле ее священник, тогда никаких возражений быть не может. «А как приятно будет с ним сейчас побеседовать», — подумала Маргарет, которая очень страдала от одиночества.

— Пойдемте, — пригласила она. — Я прикажу приготовить чай.

— Вы очень добры, но я хотел просто немного передохнуть. Видите ли, я обходил прихожан и весь день провел на ногах. Поэтому и решил заглянуть сюда, перед тем как отправиться домой.

— Да, конечно. Я секретарь леди Фаррел.

— Да-да. Она говорила мне, что нашла прекрасную девушку. Меня зовут отец Коллард.

Они направились к высокой террасе. Отец Коллард остановился и с восхищением стал рассматривать каменных волков, сидящих по обе стороны парадной лестницы.

— Вы слышали легенду об этих статуях? — спросил он и положил свою худую желтую руку на голову одного из них, сплошь покрытую мхом.

— Да, конечно, но я хотела бы услышать и другие истории, связанные с этим домом.

— Вам надо прочитать об этом в книгах. У леди Фаррел прекрасная библиотека.

— А мне говорили, что она была продана одним из ее предков.

— Да, это так, но ей удалось потом выкупить почти все свои книги. Она обращалась к разным коллекционерам и платила им в несколько раз больше, чем в свое время просил за них ее недостойный предок.

— Она очень предана своему дому.

— И это прекрасный пример для других. Мы все должны бережно относиться к семейным реликвиям и жертвовать всем, что для этого может быть необходимо. — В голосе его слышался такой жар и страсть, будто этот старик был настоящим фанатиком.

Маргарет внимательно посмотрела на него и на какое-

то мгновение даже позволила себе усомниться в здравости его рассудка. Затем они прошли в главный зал, и глаза священника лихорадочно заблестели, пожирая восхищенным взглядом рыцарские мечи и доспехи, висящие на стенах между высокими окнами и портретами средневековых вельмож.

— У этого дома много поклонников.— Маргарет не смогла удержаться от этих слов. В конце концов, только она и ее предшественницы не сумели здесь прижиться и попасть под влияние этих стен. Священник повернулся к ней, и на его морщинистом лице засветилась улыбка.

— Я очень хорошо понимаю вас. Вы ведь совсем недавно здесь, и не успели еще как следует почувствовать его дыхание.

— О нет, это я как раз очень хорошо чувствую,— начала Маргарет, но неожиданно замолчала. Зачем рассказывать ему о своих страхах и фантазиях? — Я бы хотела побольше узнать об этом доме, но леди Фаррел пока не пускает меня в библиотеку.

— Я уверен, что теперь она ничего не имела бы против, если бы вы взглянули на ее книги. Я вам с радостью расскажу о них.

— Ну, если вы так убеждены в этом и помните названия нужных книг...— Маргарет опустилась на стул. Она вдруг почувствовала, что смертельно устала. Священник сел напротив нее. Без шляпы он стал похож на узкую черную бутылку с круглой пробкой из слоновой кости. Девушке было забавно смотреть на него и она подумала, заметил ли это лакей Джеймс, который только что вошел в комнату, чтобы задернуть занавески на огромных окнах. Обычно без леди Фаррел в гостиную никто не входил, и Маргарет больше любила эту небольшую комнату, где они всегда завтракали с хозяйкой. Но тем не менее и в гостиной, и в других местах слуги с неустанным рвением каждое утро раздвигали шторы, открывали ставни и разводили огонь в каминах.

Маргарет попросила Джеймса принести чай. Священник, не умолкая, рассказывал ей об удивительной коллекции книг леди Фаррел.

— Есть еще одна замечательная рукопись о старинных легендах. Вам обязательно надо ее прочитать.

— О каких легендах? — с заинтересованным видом спросила Маргарет.

Но на самом деле ей хотелось узнать вовсе не это. Книга была лишь предлогом для того, чтобы попасть в библиотеку, а сейчас годилась любая причина. И то, что леди Фаррел запретила ей там появляться, больше не имело никакого значения. Что-то звало ее туда, и это влечение было сильнее ее воли. Может быть, на нее так подействовал голос священника, монотонный и ровный, повествующий о потайной темнице с люком, которую до сих пор никому не удалось найти. Если верить легендам, во времена Кромвеля там скрывался один из предков леди Фаррел — роялист — после того, как все его воины сложили головы на поле брани.

— Тех, кто знал этот тайник, долго пытали и затем убили, но они так и не раскрыли секрета, и теперь этот люк потерян.

— Какой ужас! — вздохнула Маргарет.

Священник протянул к ней руки и, как бы вознося молитву, произнес:

— Так идите же и принесите из библиотеки эти книги.

Девушка на секунду подумала, что его одежда лишь издалека напоминает рясу, и очень странно, что он никогда не заходил сюда раньше. Хотя в этот дом никогда не заходили посторонние...

— Хорошо, — отозвалась она. — Я сейчас принесу их.

Священник подробно объяснил ей, на каких полках стоят нужные книги и как они называются. Похоже, он знал эту комнату, как свои пять пальцев. Но Маргарет не была до конца уверена, что ее просит идти туда именно этот странный лысый человек, а не таинственный голос, звучавший у нее в голове.

Библиотека находилась в левом крыле здания, в самом конце длинного коридора. Поблизости не было других комнат, и уборка дома почему-то заканчивалась именно здесь. На полу коридора толстым слоем лежала пыль, а из сада ветер принес сюда несколько старых сухих листьев. Низкая арка, ведущая к двери библиотеки, была увита густой

паутиной. Ключ легко вошел в замочную скважину, и девушка открыла дверь. Внутри было темно. Эта комната не имела окон. Маргарет снова закрыла дверь и пошла к себе за свечой. По дороге она встретила Джеймса с подносом в руке и просила его передать отцу Колларду, что через минуту она подойдет.

— Хорошо, мисс, я передам.

Лакей торопливо удалился, а девушка поднялась в свою спальню и из ящика стола достала старинный серебряный подсвечник. Потом вернулась в библиотеку.

Маргарет шагнула в комнату и огляделась. Интересно, что скрывается здесь кроме книг? Неожиданно она услышала позади себя скрип, и дверь захлопнулась, будто кто-то потянул ее с той стороны. Изнутри дверь от пола до потолка покрывали многочисленные полки с книгами, и не было никакого намека на замок или ручку. Если здесь нет потайного механизма для открытия двери, то выбраться отсюда будет невозможно.

«Но можно еще стучать в дверь, и тогда наверняка меня кто-нибудь услышит», — подумала Маргарет.

Она вновь огляделась и теперь в колеблющемся свете свечи заметила еще кое-что. Все стены были сплошь уставлены полками, вдоль которых стояло всего несколько стульев с пыльной заплесневевшей обивкой. В центре комнаты находился стол, на котором зачем-то грудой были свалены засохшие цветы. От малейшего дуновения цветы начинали шевелиться, и это продолжалось до бесконечности. Но почему? И только теперь Маргарет всем телом почувствовала низкую пульсирующую вибрацию и поняла, что удары, которые она слышала по утрам, неслись именно отсюда. Именно здесь находилось сердце дома. Она вошла в самый центр, в святая святых. Ее тень затрепетала на полу в отсвете маленького огонька. В комнате пахло прелым сеном, увядшими цветами, ладаном и еще чем-то незнакомым. Это был запах разлагающейся плоти. Она была в этой комнате не одна. У стен в страшных позах, скорчившись в последней предсмертной агонии, лежали несколько мертвых тел — молодые девушки в модных кофтах, шляпах и сапогах. Их было четверо. Жертвы древнего дома. Ее предшественницы — секретари, оставленные здесь на мед-

ленную мучительную смерть. Это сам дом навечно заточил их сюда, где удары его каменного сердца сотрясали давно увядшие цветы. Маргарет дико закричала и бросилась к полкам — туда, где находилась спасительная дверь. Она яростно колотила по корешкам книг и призывала на помощь:

— Откройте! Выпустите меня отсюда!

Но никто не пришел.

Леди Фаррел получила письмо и немедленно приехала назад. Ее встречали отец Коллард и все слуги, включая судомоек.

В маленькой часовне провели заочную панихиду, и леди Фаррел, склонившись у алтаря, даже всплакнула.

— Я так переживаю каждый раз эти моменты! — призналась она священнику. — Я знаю, что это неизбежно, но каждый раз мне становится очень грустно. Только подумать, бедные девочки...

— Но, леди Фаррел, если дом требует этого, вы же не можете ему отказать? А ему нужны жертвы.

— Конечно! — Старушка поднялась. — Я ни в чем не собираюсь ему отказывать. Пока я жива, он тоже будет жить. Пока я дышу, я сделаю для него все, что в моих силах.

— Не забывайте, что вы не просто дарите ему эти жизни, — прошептал отец Коллард. — Ведь за это он вот уже двести лет продлевает ваше собственное существование...

Леди Фаррел благоговейно скрестила руки.

— Я уже пригласила еще одну девушку, — еле слышно проговорила она.

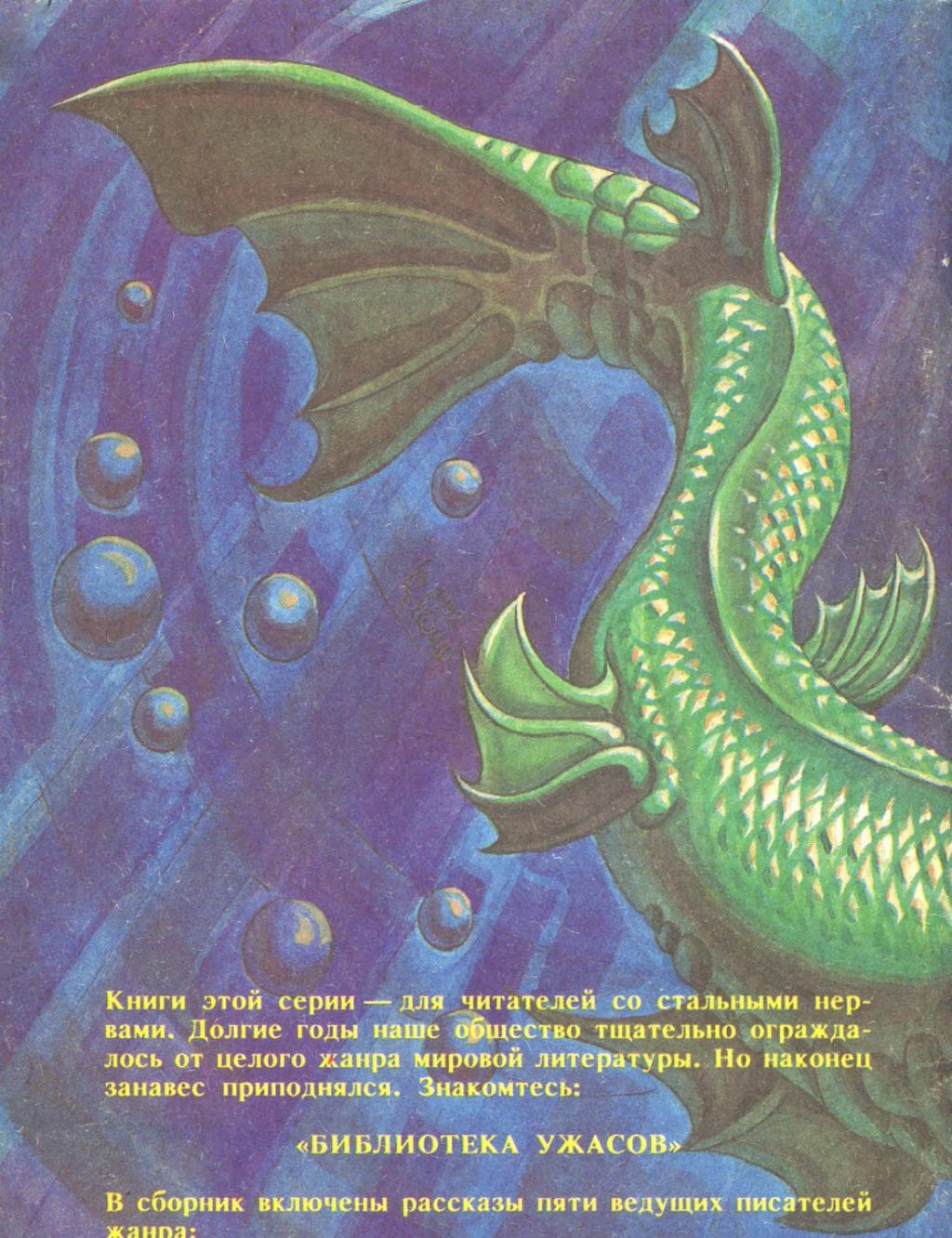
СОДЕРЖАНИЕ

<i>Хэйзел Хилд. УЖАС В МУЗЕЕ</i>	1
<i>Энтони Верко. МУХИ</i>	35
<i>Эвелин Фабиан. НОЧЬ ПОД ОБСТРЕЛОМ</i>	45
<i>Филден Хьюгс. ОШИБКА</i>	57
<i>Эстер Холланд. БИБЛИОТЕКА</i>	65

Сдано в набор 03 04 92 Подписано к печати 23 04 92 Формат 84×108/32.
Бум офсет Шрифт тип «Таймс» Печать высокая, Усл печ л 4,20.
Тир 100 000 экз Зак № 8064 С 002

Фирма «Вербо» 117647, Москва, Профсоюзная ул., 115.
Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга»
Мининформпечати Российской Федерации, 127018, Москва,
Сущевский вал, 49.

Книги этой серии — для читателей со стальными нервами. Долгие годы наше общество тщательно ограждалось от целого жанра мировой литературы. Но наконец занавес приподнялся. Знакомтесь:

«БИБЛИОТЕКА УЖАСОВ»

В сборник включены рассказы пяти ведущих писателей жанра:

Хейзил ХИЛД «Ужас в музее»

Энтони ВЕРКО «Мухи»

Эвелин ФАБИАН «Ночь под обстрелом»

Филден Хьюгс «Ошибка»

Эстер ХОЛЛАНД «Библиотека»

ЛУЧШАЯ КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ ПЕРЕД СНОМ!